

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "МАКСИМОВ (МАКСИМОВ) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" (Жалоба N 43233/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(Страсбург, 18 марта 2010)

<*> Перевод на русский язык Николаева Г.А.

По делу "Максимов против Российской Федерации" Европейский суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Христоса Розакиса, Председателя Палаты,

Анатолия Ковлера,

Элизабет Штейнер,

Дина Шпильманна,

Сверре-Эрика Йебенса,

Джорджио Малинверни,

Георга Николау, судей,

а также при участии Андре Вампаша, Заместителя Секретаря Секции Суда,

заседая за закрытыми дверями 25 февраля 2010 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой N 43233/02, поданной против Российской Федерации в Европейский суд по правам человека (далее - Европейский суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Российской Федерации Владимиром Владимировичем Максимовым (далее - заявитель) 22 ноября 2002 г.

2. Власти Российской Федерации были представлены бывшим Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Заявитель утверждал, что, в частности, национальные суды отказали ему в присуждении достаточной компенсации ущерба, причиненного вследствие незаконных действий сотрудников милиции в апреле 2000 г., и что сотрудники милиции подвергли его жестокому обращению в декабре 2001 г.

4. 20 мая 2005 г. председатель Первой Секции коммуницировал жалобу властям Российской Федерации. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции, было также решено рассмотреть

данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

5. Власти Российской Федерации возражали против одновременного рассмотрения жалобы по вопросу приемлемости и по существу. Рассмотрев возражения властей Российской Федерации, Европейский суд отклонил их.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявитель родился в 1963 году и проживает в г. Красноярске.

А. Попытка обыска загородного жилища заявителя в марте 2000 г.

7. 2 марта 2000 г. два сотрудника милиции прибыли в загородное жилище заявителя с намерением его обыскать. Заявитель возражал, и сотрудники милиции удалились. Как утверждает заявитель, они возвратились в тот же день, забрались на забор и сломали его.

8. 23 декабря 2001 г. заявитель после безуспешных попыток возбудить уголовное дело против сотрудников милиции предъявил иск к местному органу прокуратуры о взыскании компенсации вреда, причиненного отказом в возбуждении уголовного дела.

9. 10 сентября 2002 г. Красноярский краевой суд отклонил иск в последней инстанции, установив, что органы прокуратуры не имели оснований возбуждать уголовное дело, поскольку сотрудники милиции не обыскивали жилище заявителя.

В. Жестокое обращение 24 апреля 2000 г.

1. События 24 апреля 2000 г.

10. 24 апреля 2000 г. около 2.30 два сотрудника милиции Н. и Н.Е., и родственник Н. В. в связи с информацией о том, что заявитель хранит незарегистрированное оружие, вторглись в его загородное жилище. Заявитель и его 15-летняя дочь находились дома. Сотрудники сообщили заявителю, что в соседнем доме убит мужчина, и потребовали, чтобы заявитель выдал охотничью винтовку и патроны.

11. В ответ на утверждение заявителя о том, что он не имеет оружия, сотрудник Н. дважды ударил его по голове рукояткой пистолета. Угрожая применить оружие, он приказал заявителю встать лицом к стене, положить руки на стену и расставить ноги. Узнав, что дочь заявителя также находится в доме, сотрудник Н. приказал ей спуститься. Когда она отказалась, сотрудник Н. выстрелил в воздух. Поскольку дочь заявителя продолжала отказываться подчиниться, сотрудник Н. приблизился и ударил ее не менее четырех раз по голове рукояткой пистолета. Как утверждает заявитель, стаскивая девочку вниз, сотрудник Н. продолжал избивать его и его дочь, угрожая им убийством.

12. Сотрудники милиции и В. обыскали дом. Не найдя оружия, сотрудник Н. вновь причинил заявителю побои. Заявитель утверждал, что сотрудник Н. приставил пистолет к его голове и нажал на спуск. Выстрел не последовал, поскольку пистолет не был заряжен. После этого угрозы убийством возобновились.

13. Сотрудники милиции связали руки заявителя за спиной и доставили его в другой дом, где побои и угрозы продолжились. Заявитель был освобожден через несколько часов, после того как обещал явиться в отделение милиции на следующий день.

2. Уголовное дело

14. 25 апреля 2000 г. заявитель подал жалобу Емельяновскому районному прокурору, в которой описал события, имевшие место прошлой ночью. Было возбуждено уголовное дело.

15. 24 июля 2000 г. следователь прекратил уголовное дело, установив, что жалоба заявителя является явно необоснованной. Следователь отметил, что медицинские эксперты осмотрели заявителя и его дочь и выявили у обоих закрытые черепно-мозговые травмы и сотрясение. Эксперты также зафиксировали ушибленные раны в теменной области головы заявителя и четыре рвано-ушибленные раны на голове его дочери. Однако следователь заключил, что отсутствуют доказательства, подкрепляющие утверждение заявителя о том, что травмы были причинены сотрудником Н.

16. Через четыре дня Емельяновский районный прокурор отменил постановление и возобновил расследование.

17. В неустановленную дату сотруднику Н. было вручено обвинительное заключение, и уголовное дело было передано в Емельяновский районный суд Красноярского края.

18. Заявитель и его представитель участвовали в судебном разбирательстве. 4 июня 2002 г. районный суд удалил представителя заявителя из зала судебного заседания в связи с неуважением к суду.

19. 6 июня 2002 г. Емельяновский районный суд, установив, что 24 апреля 2000 г. Н. вторгся в загородное жилище заявителя, сильно избил заявителя и его дочь и обыскал дом, признал его виновным в незаконном проникновении в жилище и превышении должностных полномочий при отягчающих вину обстоятельствах и приговорил его к трем годам и шести месяцам лишения свободы. Районный суд, не мотивировав свое решение, также взыскал с Н. 25000 рублей (приблизительно 840 евро) в качестве компенсации морального вреда в пользу заявителя и его дочери. В то же время районный суд предложил заявителю предъявить отдельный иск о возмещении вреда здоровью заявителя и его дочери незаконными действиями Н.

20. Заявитель подал жалобу, в которой, в частности, выразил несогласие с исходом разбирательства.

21. 27 августа 2002 г. Красноярский краевой суд, отметив, что районный суд не допустил значительных нарушений законодательства, оставил без изменения приговор от 6 июня 2002 г. Заявитель участвовал в заседании суда кассационной инстанции.

22. Приговор от 6 июня 2002 г., оставленный без изменения 27 августа 2002 г., не был исполнен в части возмещения вреда, поскольку Н. не имел имущества.

3. Иск о возмещении вреда против государственных органов

23. 4 ноября 2002 г. заявитель и его дочь предъявили иск к Министерству финансов России, управлению Федерального казначейства по Красноярскому краю и органам внутренних дел Красноярского края и Емельяновского района с требованием о компенсации морального вреда. Заявитель утверждал, что государство должно нести ответственность за незаконные действия своих представителей, в настоящем деле сотрудника милиции Н., который вторгся в его дом и избил его и его дочь. Он также утверждал, что компенсация, присужденная ему приговором от 6 июня 2002 г., была недостаточной, и даже она не была ему выплачена.

24. 3 апреля 2003 г. Свердловский районный суд г. Красноярска отклонил иск, мотивировав это таким образом:

"Заслушав объяснения сторон и изучив материалы дела, суд приходит к следующим выводам.

6 июня 2002 г. Емельяновский районный суд Красноярского края признал Н. виновным (в совершении преступлений), предусмотренных частью 3 статьи 139 и пунктами "а" и "б" части 3 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации и приговорил его к трем годам и шести месяцам лишения свободы. (Суд) взыскал 25000 рублей в качестве компенсации морального вреда в пользу (заявителя) (10000 рублей в его пользу и 15000 рублей в пользу (его дочери).

Приговором суда установлено, что 24 апреля 2000 г. Н., действуя против воли (заявителя), проник в его жилище (загородное жилище), где несколько раз выстрелил из пистолета. Н. дважды ударил (заявителя) по голове рукояткой пистолета, причинив ссадину на коже головы заявителя... Н. ударил (дочь заявителя) не менее четырех раз по голове рукояткой пистолета, причинив закрытую черепно-мозговую травму, сопровождавшуюся сотрясением, и четыре рвано-ушибленные раны...

В силу статьи 254 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации гражданин, организация вправе оспорить в суде действие (бездействие) органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица.

Согласно статье 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов... подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Статья 1069 охватывает незаконные действия не всех работников государственного или муниципального органа, но только тех, которые упомянуты в примечании к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации. Должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях. Для наступления ответственности согласно статье 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации должностное лицо должно причинить вред при исполнении своих обязанностей.

В силу статьи 49 Конституции Российской Федерации любое лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным, пока его вина не доказана в соответствии с федеральным законом и не установлена вступившими в силу приговором суда.

В судебном заседании установлено, что после вступления в силу приговора (от 6 июня 2002 г.) Н. был уволен со (службы в милиции).

В соответствии со статьей 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста или исправительных работ, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме, независимо от вины должностных лиц (милиции), органов предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом.

Возмещение вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (милиции), органов предварительного следствия, прокуратуры, которые не порождают последствий, предусмотренных пунктом 1 (статья 1070), осуществляется на основе и в порядке, предусмотренном статьей 1069 (Гражданского кодекса Российской Федерации)...

Правоотношения между истцами и ответчиками не относятся к сфере действия статьи 1070.

Таким образом, (суд) отклоняет довод (истца) о том, что действия (бездействие) органов внутренних дел Емельяновского района и Красноярского края и Министерства внутренних дел Российской Федерации являлись незаконными.

В силу статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Статья 150 Гражданского кодекса Российской Федерации относит к числу нематериальных благ... жизнь и здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность.

Компенсация морального вреда присуждению не подлежит, поскольку приговором Емельяновского районного суда Красноярского края в пользу заявителя была взыскана компенсация морального вреда, подлежащая уплате Н., непосредственным причинителем вреда.

Настоящее решение не установило вины должностных лиц в причинении вреда (заявителю).

При таких обстоятельствах суд находит требования (истца) явно необоснованными и отклоняет их в полном объеме".

25. 16 июля 2003 г. Красноярский краевой суд оставил решение районного суда без изменения, указав следующее:

"...с учетом того, что (заявитель) и (его дочь) использовали свое право и предъявили требование о компенсации морального вреда к непосредственному причинителю вреда и их требования были удовлетворены судом при рассмотрении уголовного дела; что компенсация морального вреда представляет собой единовременное возмещение; и что повторная компенсация морального вреда, причиненного теми же действиями заинтересованного лица, не допускается, (районный) суд законно отклонил требования истца о компенсации морального вреда в связи с незаконными действиями Н."

С. Похищение автомобиля в 2001 году

26. 2 августа 2001 г. автомобиль заявителя был похищен. В тот же день два лица были задержаны, и им были предъявлены обвинения в краже. Автомобиль был возвращен заявителю. 28 мая 2002 г. Красноярский краевой суд в последней инстанции признал этих лиц виновными в незаконном завладении автомобилем без цели хищения, оправдал их по обвинению в краже и приговорил к двум годам лишения свободы условно.

Д. Предполагаемое жестокое обращение в 2001 году

1. События 19 декабря 2001 г.

27. Как утверждает заявитель, 19 декабря 2001 г. два сотрудника милиции М. и Д. остановили его на улице и попытались произвести личный обыск. Заявитель возражал и сотрудники милиции доставили его в местное отделение милиции, где его побили и поместили в изолятор временного содержания. Он был освобожден через два часа без указания мотивов его задержания.

28. Власти Российской Федерации представили иную версию событий, согласно которой сотрудники М. и Д. доставили заявителя в Свердловский отдел милиции Красноярска после совершения им административного правонарушения, предусмотренного статьей 162 Кодекса

РСФСР об административных правонарушениях. Дежурный по отделению составил Протокол N 29384, изложив подробности административного правонарушения. Протокол, представленный в Европейский суд властями Российской Федерации, состоял из двухстраничного печатного бланка, в котором дата, имена сотрудника и заявителя, персональные данные заявителя и описание административного правонарушения были вписаны от руки. В соответствующей части указывалось следующее (отпечатанная часть набрана прямым шрифтом, рукописная - курсивом <*>):

<*> В тексте документа вместо курсива использовано выделение двойными квадратными скобками.

"[[19 декабря 2001 г. приблизительно в 10.20 на остановке общественного транспорта... (заявитель) находился в состоянии опьянения, передвигался пошатываясь и выглядел неопрятно]], тем самым совершил административное правонарушение, предусмотренное [[статьей 162 Кодекса об административных правонарушениях, а именно "появление в общественном месте в состоянии опьянения".]]

Свидетели, потерпевший _____

[[Заявителю) разъяснены]] его права и обязанности, предусмотренные [[статьей 247]] Кодекса об административных правонарушениях.

Объяснения нарушителя.

[[Я) выпил 100 граммов водки...]]

Я, (заявитель), уведомлен о том, что мое дело будет рассмотрено [[Свердловским отделом внутренних дел.]]

Решение, принятое по делу: [[в соответствии с пунктом 1 статьи 162 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях сделано предупреждение.]]

29. После его освобождения из отдела милиции 19 декабря 2001 г. заявитель был осмотрен врачом травматологического отделения местной больницы, и ему был поставлен диагноз "ушиб левой стороны груди". В отсутствие видимых следов травмы диагноз был поставлен за счет прощупывания грудной клетки и жалоб заявителя на боль. Врач сообщил в Свердловский отдел внутренних дел о травме заявителя, предположительно причиненной сотрудниками милиции. Дежурный записал разговор в журнал и присвоил записи N 014623.

30. В тот же день сотрудник Д. составил объяснительную из одного предложения, в которой указывалось, что 19 декабря 2001 г. около 9.20 он и сотрудник М. задержали заявителя, поскольку он был пьян, имел нетвердую походку и выглядел неопрятно.

31. 19 декабря 2001 г. дежурный сотрудник милиции опросил заявителя относительно обстоятельств причинения ему травм. Заявитель пояснил, что утром того же дня к нему подошли два сотрудника милиции, которые предложили ему предъявить удостоверение личности. В ответ на разъяснение заявителя о том, что он не имеет документов, сотрудник милиции попытался его обыскать. Заявитель возражал, и его доставили в местное отделение милиции, где подвергли обыску. После обыска один из сотрудников милиции отвел его в камеру, где несколько раз ударил заявителя в грудь, сопровождая удары разъяснениями о том, что ему следует научиться правильно разговаривать с милицией.

32. На следующий день сотрудник М. представил письменное объяснение вышестоящему сотруднику. В объяснении указывалось следующее:

"По существу заданных мне вопросов (я) могу пояснить, что 19 декабря 2001 г. приблизительно в 9.20, когда я, сотрудник милиции, участвовал в патрулировании совместно с Д., мы заметили подозрительного мужчину, одетого неопрятно (его куртка была расстегнута). Подойдя к мужчине, мы представились и предложили ему предъявить удостоверение личности, в ответ (заявитель)... использовал нецензурные выражения и отказался предъявить (документы), утверждая, что у него нет времени. Затем мы предложили (заявителю) следовать за нами в отдел милиции... Когда мы прибыли в отдел, мужчине было предложено выложить острые предметы на полку. (Заявитель) достал заржавленный гвоздь с загнутым концом и заявил, что не имеет других предметов, кроме пластикового пакета с документами, которые ему нужно доставить в Свердловский районный суд. Мы предложили ему проследовать в камеру для административно задержанных. Он вошел в камеру. Впоследствии был составлен протокол об административном задержании в соответствии со статьей 162 Кодекса об административных правонарушениях... После этого (заявитель) был освобожден".

2. Жалобы в прокуратуру

33. 20 декабря 2001 г. заявитель просил Свердловского районного прокурора возбудить уголовное дело против сотрудников милиции, утверждая, что он был незаконно доставлен в отдел милиции и был там обыскан и побит. Заявитель также утверждал, что документы о его задержании отсутствуют.

34. 25 декабря 2001 г. Свердловский районный прокурор направил жалобу заявителя в Свердловский отдел внутренних дел, предложив провести служебную проверку.

35. 9 января 2002 г. начальник отдела внутренних дел составил заключение, указав следующее:

"19 декабря 2001 г. приблизительно в 9.00 патрульные (М. и Д.) и стажер И. начали свою смену в (местном отделе милиции). Приблизительно в 10.15 около дома... сотрудники М. и Д. остановили (заявителя), находившегося в состоянии алкогольного опьянения, выглядевшего неопрятно и имевшего нетвердую походку, державшего правую руку на груди, что вызвало подозрение сотрудников милиции. Сотрудники милиции доставили (заявителя) в отдел милиции, поскольку он не имел при себе удостоверения личности. Запись о (задержании) N 1977 была внесена в журнал задержаний отдела. После внесения записи (заявитель) был обыскан в соответствии с требованиями пункта 2 статьи 11 Закона о милиции.

Сотрудник милиции М. составил Протокол об административном правонарушении N 29384 в отношении действий (заявителя), предусмотренных статьей 162 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. 19 декабря 2001 г. на основании материалов дела было вынесено решение: (заявителю) было объявлено предупреждение.

Запись в журнале задержаний свидетельствует о том, что (заявитель) был освобожден в 11.00.

В своей жалобе (заявитель) указывал, что сотрудники милиции задержали его в отсутствие законных оснований; кроме того, сотрудники милиции незаконно произвели его личный обыск. После этого он был доставлен в отдел милиции и побит сотрудником милиции.

Сотрудники милиции М. и Д. указали в своих объяснениях, что 19 декабря 2001 г. они задержали (заявителя); в его отношении был составлен протокол об административном правонарушении в соответствии со статьей 162 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях; физическая сила или специальные средства к (заявителю) не применялись.

Служебной проверкой не удалось устранить противоречия между объяснениями сотрудников милиции и (заявителя)".

Материалы служебной проверки были направлены в Свердловскую районную прокуратуру.

36. 18 января 2002 г. прокурор назначил графологическую экспертизу подписи на Протоколе от 19 декабря 2001 г., поскольку заявитель утверждал, что он не подписывал каких-либо документов в этот день. 5 февраля 2002 г. Красноярское городское бюро экспертизы составило заключение, отметив, что представленных данных недостаточно для исчерпывающего вывода о том, что заявитель подписал протокол. Однако эксперты не исключили возможности того, что подписи принадлежат заявителю.

37. 18 февраля 2002 г. помощник Свердловского районного прокурора на основании результатов служебной проверки, заключения графологической экспертизы и показаний заявителя, сотрудников милиции М. и Д. и врача, осматривавшего заявителя 19 декабря 2001 г., отказал в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции, не усмотрев в их действиях состава преступления. В частности, помощник прокурора указал следующее:

"Таким образом, проверкой не выявлено признаков состава преступления... в действиях сотрудников милиции М. и Д. Задержание (заявителя) и его оформление в (местном отделе милиции) были проведены в соответствии с нормами административного законодательства; в отношении (заявителя) был составлен протокол об административном правонарушении в соответствии со статьей 162 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. 19 декабря 2001 г. было решено применить к (заявителю) административное наказание в виде предупреждения. Для того чтобы действия образовали состав преступления, предусмотренного статьей 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, должностное лицо должно совершить действия, которые при любых обстоятельствах никто не может совершать <*> (безосновательное причинение травмы). Однако невозможно с достоверностью установить, что (заявитель) претерпел травму, поскольку его диагноз ставился под сомнение и не был своевременно подтвержден. Судебно-медицинская экспертиза в отношении этих травм не назначалась".

<*> По всей вероятности, здесь и далее (например, в § 45) имелось в виду, что согласно статье 286 Уголовного кодекса превышение должностных полномочий подразумевает совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий, тогда как сотрудники милиции действовали в их пределах (прим. переводчика).

38. Заявитель подал жалобу в Свердловский районный суд, в частности указав, что его задержание 19 декабря 2001 г. и признание виновным в совершении административного правонарушения были незаконны. Он настаивал на том, что узнал о признании его виновным в совершении административного правонарушения только из постановления помощника прокурора.

39. 11 июля 2002 г. районный суд отменил Постановление от 18 февраля 2002 г. и предложил прокуратуре провести дополнительную проверку. В частности, он подчеркнул, что прокуратуре следует допросить стажера И. относительно обстоятельств задержания заявителя и врача из травматологического отделения относительно состояния алкогольного опьянения, в котором предположительно находился заявитель. Районный суд также отметил, что заявителю следовало отдельно обжаловать административное задержание.

40. Решение от 11 июля 2002 г. не было обжаловано и вступило в силу. Заявитель не обжаловал предполагаемую незаконность его административного задержания в обособленном разбирательстве.

41. 20 сентября 2002 г. заместитель Свердловского районного прокурора прекратил производство по делу в связи с отсутствием достаточных оснований для привлечения к ответственности. Постановление включало в себя текст Постановления, вынесенного 18 февраля 2002 г., и содержало дополнительные абзацы, в которых указывалось следующее:

"В ходе дополнительной проверки был опрошен исполняющий обязанности заведующего травматологическим отделением Свердловского района Б.; (он) пояснил, что когда лицо поступает в травматологическое отделение в состоянии опьянения, делается запись в журнале регистрации преступлений о том, что лицо находится в состоянии алкогольного опьянения. В деле (заявителя) такая запись не была учинена; поэтому он не может охарактеризовать, в каком состоянии находился заявитель.

Сотрудник милиции патрульной службы Свердловского районного отдела внутренних дел И., будучи опрошена в рамках дополнительной проверки, пояснила, что в декабре 2001 г. она являлась стажером. 19 декабря 2001 г. она находилась в составе патруля... совместно с сотрудниками милиции М. и Д. Между 9.30 и полуднем был доставлен (заявитель); (он) вел себя несоответственно и был одет неопрятно. Мужчина был помещен в камеру для административно задержанных и в связи с его поведением был составлен протокол об административном правонарушении в соответствии со статьей 162 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. (Заявитель) подписал протокол".

42. По жалобе заявителя на уклонение органов прокуратуры от надлежащей проверки его утверждений о жестоком обращении 14 ноября 2002 г. Красноярский краевой суд в качестве последней инстанции оставил без изменений Постановление от 20 сентября 2002 г., установив, что заместитель прокурора тщательно проверил доказательства и сделал правильные выводы.

43. 30 января 2003 г. первый заместитель прокурора Красноярского края отменил Постановление от 20 сентября 2002 г., установив, что проверка являлась неполной, а постановление - преждевременным. Он поручил провести новую проверку, указав ряд действий, которые следует совершить, включая установление лиц, которые могли видеть заявителя в отделе милиции. Первый заместитель также отметил ряд противоречий в показаниях сотрудников милиции, в частности относительно времени задержания, состояния опьянения заявителя и отсутствия удостоверения личности.

44. 18 марта 2003 г. заместитель Свердловского районного прокурора отклонил жалобу заявителя на жестокое обращение как явно необоснованную. В постановлении воспроизводился текст предыдущих двух постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции. Кроме того, заместитель прокурора сослался на показания сотрудников милиции М., Д. и И., полученные во время дополнительной проверки. В связи с давностью событий три сотрудника милиции не могли точно указать время, в которое они задержали заявителя. Заместитель прокурора также подчеркнул, что образцы почерков сотрудников милиции не позволили эксперту прийти к исчерпывающему выводу относительно того, кем выполнена подпись на протоколе задержания заявителя. В последнем абзаце постановления указывалось следующее:

"Таким образом, проверкой не установлены признаки состава преступления... в действиях (сотрудников милиции Д., М. и И.). Задержание (заявителя) и его оформление (в местном отделе милиции) были произведены в соответствии с административным законодательством, действовавшим в период, относящийся к обстоятельствам дела; в отношении (заявителя) был составлен протокол об административном правонарушении; он обжаловал его в порядке, предусмотренном законом. 19 декабря 2001 г. (заявитель) был признан виновным в совершении (административного правонарушения) и ему было объявлено предупреждение. Для того чтобы действия образовали состав преступления, предусмотренного статьей 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, должностное лицо должно совершить действия, которые при любых обстоятельствах никто не может совершать. В соответствии со статьями 10 (и) 11 Закона о милиции сотрудники милиции должны пресекать и предотвращать совершение административного правонарушения, (должны) проверять удостоверения личности, если имеются основания подозревать совершение административных правонарушений, (должны) осуществлять обыски лиц и их личного имущества; и (должны) осуществлять административное задержание и составлять протоколы об административных действиях. Согласно законодательству Российской Федерации, сотрудники патрульной службы милиции, патрульные подразделения должны обеспечивать

общественную безопасность и поддерживать общественный порядок на своих маршрутах, постах и прилегающей к ним территории; (они) должны предупреждать и пресекать административные правонарушения... Во время проверки М. и Д. дали показания, пояснив, что они проверили документы (заявителя), поскольку (заявитель) подозревался в совершении административного правонарушения".

45. 16 сентября 2003 г. Красноярский краевой суд в последней инстанции отклонил жалобу заявителя на Постановление от 18 марта 2003 г., заключив, что выводы заместителя прокурора являются правильными.

3. Разбирательство против должностных лиц прокуратуры Красноярского края

46. 18 февраля 2002 г. заявитель жаловался в суд, что должностные лица прокуратуры Красноярского края не рассмотрели его жалобы надлежащим образом, а также перехватили его жалобы Генеральному прокурору Российской Федерации. 17 апреля 2002 г. Красноярский краевой суд оставил без рассмотрения его жалобу, поскольку заявителем не были соблюдены процессуальные требования к таким жалобам.

4. Иск о возмещении вреда

47. Заявитель предъявил иск в Свердловский районный суд к Министерству финансов России, Министерству внутренних дел, должностным лицам прокуратур Красноярского края и Свердловского района и Свердловского районного отдела внутренних дел. Он требовал возмещения вреда, причиненного сотрудниками милиции 19 декабря 2001 г. в связи с его задержанием, жестоким обращением и обыском и подделкой административных протоколов в отношении его.

48. 26 декабря 2003 г. Свердловский районный суд отклонил иск заявителя, сославшись на Постановление заместителя прокурора от 18 марта 2003 г. и статьи 151, 1064 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации. В мотивировочной части решения районного суда указывалось следующее:

"Принимая во внимание установленные обстоятельства и учитывая упомянутые правовые нормы, суд не усматривает оснований для удовлетворения исковых требований, которые являются необоснованными; (заявитель) не представил суду доказательств, свидетельствующих о том, что он претерпел вред в результате незаконных действий со стороны сотрудников милиции и прокуратуры. В то же время законность действий сотрудников милиции и прокуратуры... неоднократно тщательно проверялась и была подтверждена Решением Свердловского районного суда г. Красноярска от 17 июля 2003 г., оставленного без изменения Красноярским краевым судом 16 сентября 2003 г.

Утверждения (заявителя) о том, что он претерпел моральный вред в результате незаконных действий со стороны сотрудников милиции и органов прокуратуры, явно необоснованны в связи с обстоятельствами, которые (суд принял во внимание) при отклонении иска".

II. Применимое национальное законодательство

А. Уголовно-правовые средства правовой защиты против незаконных действий должностных лиц. Расследование преступлений

49. Пункт "е" части 2 статьи 117 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает, что истязания наказываются лишением свободы сроком до семи лет. Согласно пунктам "а" и "в"

части 3 статьи 286 превышение должностных полномочий с применением насилия или повлекшее тяжкие последствия наказывается лишением свободы на срок до 10 лет.

50. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (действующий с 1 июля 2002 г., УПК) устанавливает, что уголовное дело может быть возбуждено следователем или прокурором по заявлению лица или по собственной инициативе при наличии достаточных оснований полагать, что совершено преступление (статьи 146 и 147). Прокурор осуществляет общий надзор за исполнением законов органами предварительного следствия (статья 37). Он вправе давать указания о производстве отдельных следственных действий, передавать дело от одного следователя другому, давать указания о производстве дополнительного расследования. В отсутствие оснований к возбуждению уголовного дела прокурор или следователь отказывают в возбуждении уголовного дела мотивированным постановлением, о чем уведомлялось заинтересованное лицо. Отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован надлежащему прокурору или в суд общей юрисдикции в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК (статья 148). Статья 125 УПК предусматривает, что постановления следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суде.

В. Гражданско-правовые средства правовой защиты от незаконных действий должностных лиц

51. Соответствующие положения Гражданского кодекса Российской Федерации (от 30 ноября 1994 г.) предусматривают следующее:

Статья 150. Нематериальные блага

"1. Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом..."

Статья 151. Компенсация морального вреда

"Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага... суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда..."

52. Пункт 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Согласно статье 1069 государственный орган либо должностное лицо этого органа, незаконными действиями (бездействием) которого причинен вред гражданину, обязан возместить его. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации или казны субъекта Российской Федерации. Статьи 1099 - 1101 Гражданского кодекса предусматривают компенсацию морального вреда. Статья 1099, в частности, указывает, что компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции

53. Заявитель со ссылкой на статью 13 Конвенции указывал, что отказ национальных судов в присуждении ему достаточной компенсации за вред, причиненный сотрудником милиции Н., лишил его эффективного средства правовой защиты в отношении его жалобы на жестокое

обращение. Статья 13 предусматривает следующее:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

А. Доводы сторон

54. Власти Российской Федерации утверждали, что право заявителя, гарантированное статьей 13 Конвенции, было полностью соблюдено, поскольку сотрудник милиции Н., проникший в дом заявителя и побивший его и его дочь, был осужден и приговорен к лишению свободы. Кроме того, заявителю и его дочери была присуждена компенсация в 25000 рублей. Власти Российской Федерации подчеркивали, что иск заявителя о возмещении вреда, предъявленный к государственным органам, включая Емельяновский районный отдел внутренних дел, в котором работал сотрудник Н., не имел правовых оснований, поскольку "двойное возмещение морального вреда, причиненного теми же действиями заинтересованного лица, невозможно".

55. Заявитель доказывал, что, если национальные суды присудили недостаточную компенсацию вреда, причиненного незаконными действиями должностного лица государственного органа, и когда такая компенсация даже не выплачена, государство должно нести субсидиарную ответственность и выплатить компенсацию вреда, причиненного действиями его представителя. Однако в его деле национальные суды незаконно отказались учитывать особые обстоятельства: недостаточность компенсации, невозможность ее получения и обязанность государства обеспечить эффективную защиту прав и устранить нарушения этих прав, особенно когда они нарушены представителями государства.

В. Мнение Европейского суда

1. Приемлемость жалобы

56. До рассмотрения при необходимости вопроса о том, располагал ли заявитель эффективным средством правовой защиты для обжалования жестокого обращения, которое он претерпел от милиции 24 апреля 2000 г., Европейский суд должен оценить, применима ли статья 13 Конвенции, при том что Европейскому суду не предлагалось рассматривать нарушение прав заявителя, гарантированных статьей 3 Конвенции.

57. В этой связи Европейский суд напоминает вывод, сделанный им в деле "Класс и другие против Германии" (*Klass and Others v. Germany*) (Постановление от 6 сентября 1978 г., § 63 - 64, Series A, N 28), где указывалось:

"...Статья 13 Конвенции устанавливает, что любое лицо, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве. Это положение, понимаемое буквально, по-видимому, указывает, что лицо имеет право на средство правовой защиты на уровне страны, только если "нарушение" имело место. Однако лицо не может установить "нарушение" в государственном органе, пока оно не подаст соответствующую жалобу в этот орган. Соответственно... фактическое нарушение Конвенции не может быть предварительным условием для применения статьи 13 Конвенции. По мнению Европейского суда, статья 13 Конвенции требует того, чтобы лицо, считающее себя претерпевшим ущерб в связи с мерой, предположительно нарушающей Конвенцию, имело средство правовой защиты в национальном органе в целях разрешения его требования и при необходимости - получения возмещения. Следовательно, статья 13 Конвенции должна толковаться как гарантирующая "эффективное средство правовой защиты в государственном органе" любому, кто утверждает, что его права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены".

58. В дальнейшем Европейский суд преобразовал свой вывод по делу Класса (упоминавшемся выше) в понятие о том, что лицо, высказывающее "доказуемое утверждение" о том, что оно является жертвой нарушения права, воплощенного в Конвенции, должно иметь возможность прибегнуть к средству правовой защиты (см., например, Постановление Европейского суда от 25 марта 1983 г. по делу "Силвер и другие против Соединенного Королевства" (Silver and Others v. United Kingdom), § 113, Series A, N 61). С тех пор статья 13 Конвенции последовательно толковалась Европейским судом как требующая наличия в национальном законодательстве средства правовой защиты только в отношении тех утверждений, которые могут рассматриваться как "доказуемые" в понимании Конвенции (см. Постановление Большой Палаты по делу "Хаттон и другие против Соединенного Королевства" (Hatton and Others v. United Kingdom), жалоба N 36022/97, § 137, ECHR 2003-VIII).

59. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский суд отмечает, что стороны не оспаривали, что 24 апреля 2000 г. заявитель подвергся обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Национальные органы провели уголовное расследование жалоб заявителя и признали бывшего сотрудника милиции Н. виновным в превышении должностных полномочий при отягчающих вину обстоятельствах и в незаконном проникновении в жилище заявителя и нападении на него и его дочь, причинившем серьезные травмы (см. § 19 настоящего Постановления). Тот факт, что утверждения заявителя о жестоком обращении в конечном счете оказались обоснованными, делает его жалобу "доказуемой" для целей статьи 13 Конвенции (см. Постановление Европейского суда от 19 февраля 1998 г. по делу "Кая против Турции" (Kaуа v. Turkey), § 107, Reports of Judgments and Decisions 1998-I, и Постановление Европейского суда от 15 ноября 1996 г. по делу "Чахал против Соединенного Королевства" (Chahal v. United Kingdom), § 147, Reports 1996-V).

60. Европейский суд, однако, учитывает, что уголовное расследование утверждений заявителя о жестоком обращении с ним, безотлагательность и эффективность которого заявитель не оспаривает, повлекло осуждение и наказание преступника. В то же время со ссылкой на статью 13 Конвенции заявитель утверждал, что он не смог получить достаточной компенсации за вред от жестокого обращения, причиненного представителем государства. В этом отношении Европейский суд напоминает, что характер права, гарантированного статьей 3 Конвенции, являющийся одним из важнейших в системе Конвенции, содержит следствия для характера средств правовой защиты, которые должны быть гарантированы заявителю. В частности, Европейский суд уже неоднократно указывал, что, если заявитель выдвинул доказуемую жалобу о жестоком обращении со стороны представителей государства, понятие эффективного средства правовой защиты для целей статьи 13 Конвенции включает при необходимости выплату компенсации; кроме того, тщательное и эффективное расследование, способное повлечь установление и наказание виновных (см. Постановление Европейского суда от 18 декабря 1996 г. по делу "Аксой против Турции" (Aksoy v. Turkey), § 98, Reports 1996-VI, и Постановление Европейского суда от 25 сентября 1997 г. по делу "Айдын против Турции" (Aydin v. Turkey), § 103, Reports 1997-VI). С учетом этих условий требования статьи 13 Конвенции являются более широкими, чем процессуальное обязательство государства-участника о проведении эффективного расследования, вытекающее из статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского суда от 28 июля 1998 г. по делу "Эрги против Турции" (Ergi v. Turkey), § 98, Reports 1998-IV, и, с необходимыми изменениями, упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Кая против Турции", § 107).

<*> Здесь и далее по тексту слова на национальном языке набраны латинским шрифтом и выделены фигурными скобками.

61. Соответственно, необходимо удостовериться в том, что, помимо извлечения преимуществ из эффективного и безотлагательного расследования его жалоб на нарушение статьи 3 Конвенции, заявитель также располагал "эффективным средством правовой защиты в государственном органе" в значении статьи 13 Конвенции. Европейский суд, соответственно, находит, что настоящая жалоба

не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции, не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

62. Европейский суд напоминает, что статья 13 Конвенции гарантирует доступность на уровне страны средства правовой защиты, направленного на обеспечение предусмотренных Конвенцией прав и свобод, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном правовом порядке. Статья 13 Конвенции требует наличия на национальном уровне средства правовой защиты, обеспечивающего рассмотрение компетентным органом страны существа соответствующей жалобы на нарушение Конвенции и предоставление соответствующего возмещения, хотя государства-участники наделены определенной свободой усмотрения при определении способа реализации обязательств, предусмотренных названной статьей. Европейский суд уже указывал, что объем обязательств по статье 13 Конвенции различен в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не менее средство правовой защиты, предусмотренное статьей 13 Конвенции, должно быть "эффективным" как практически, так и на законодательном уровне, в частности его реализации не должны необоснованно препятствовать действия или бездействие властей государства-ответчика (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Аксой против Турции", § 95; и Постановление Европейского суда от 28 ноября 1997 г. по делу "Ментеш и другие против Турции" (*Mentes and Others v. Turkey*), § 89, Reports 1997-VIII). Европейский суд также полагает, что, если ставится вопрос о доказуемом нарушении одного или нескольких прав, предусмотренных Конвенцией, для жертвы должен быть доступен механизм установления ответственности государственных должностных лиц или органов за это нарушение (см. Постановление Большой Палаты по делу "Т.Р. и К.М. против Соединенного Королевства" (*T.P. and K.M. v. United Kingdom*), жалоба N 28945/95, § 107, ECHR 2001-V (извлечения)). Кроме того, в деле о нарушении статей 2 и 3 Конвенции в числе мер возмещения должны быть предусмотрены компенсации материального ущерба и морального вреда (см. Постановление Большой Палаты по делу "Z и другие против Соединенного Королевства" (*Z and Others v. United Kingdom*), жалоба N 29392/95, § 109, ECHR 2001-V).

63. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский суд отмечает, и это не оспаривалось сторонами, что заявитель претерпел серьезные травмы вследствие поведения сотрудника милиции Н. Одно лишь эффективное расследование жалоб заявителя на жестокое обращение не могло устранить физического и психологического ущерба, вызванного прямым и сознательным посягательством на личную неприкосновенность заявителя, и потому представляло только одну часть группы мер, необходимых для обеспечения возмещения за жестокое обращение со стороны представителя государства (см. Постановление Европейского суда от 24 июля 2008 г. по делу "Владимир Романов против Российской Федерации" (*Vladimir Romanov v. Russia*), жалоба N 41461/02, § 79). Заявитель утверждал, что он пытался получить возмещение за жестокое обращение, которое он претерпел, с помощью двух исков о возмещении вреда. Однако он указывал, что средство правовой защиты не было достаточно эффективным для того, чтобы отвечать требованиям статьи 13 Конвенции, поскольку оно не предоставило адекватного возмещения. Из вышеизложенного следует, что Европейский суд должен рассмотреть вопрос о том, представляет ли судебный способ получения компенсации вреда, причиненного заявителю, эффективное, адекватное и доступное средство правовой защиты, способное удовлетворять требованиям статьи 13 Конвенции.

64. Европейский суд напоминает, что заявитель предъявил иск в ходе уголовного разбирательства против сотрудника милиции Н., требуя компенсации вреда, причиненного незаконным поведением последнего. Национальные суды частично удовлетворили иск, присудив заявителю 10000 рублей в качестве компенсации морального вреда, и указали ему на право предъявления отдельного иска о компенсации в связи с причиненными ему травмами (см. § 19 настоящего Постановления). Решение не было исполнено из-за отсутствия у Н. необходимых

средств. Впоследствии заявитель предъявил иск к ряду государственных органов, включая Емельяновский районный отдел внутренних дел, в котором работал сотрудник Н., утверждая, что сумма присужденной компенсации являлась неадекватной и фактически не была ему выплачена. Он также утверждал, что суды должны возложить на государство ответственность и наказать его за возмутительное поведение его представителя, с тем чтобы предотвратить будущие преступления, и, таким образом, присудить ему достаточную компенсацию за причиненные травмы. 3 апреля 2003 г. Свердловский районный суд отклонил иск, указав, что ситуация, в которой оказался заявитель, не охватывается правовыми нормами, лишающими государство иммунитета от требований о возмещении вреда и устанавливающими условия для исков и требований к государству в связи с вредом, причиненным незаконными действиями или бездействием его органов и должностных лиц. Кроме того, районный суд установил, что заявитель уже воспользовался правом на получение возмещения, успешно предъявив иск о возмещении вреда к непосредственному причинителю вреда, Н. (см. § 24 настоящего Постановления). 16 июля 2003 г. Красноярский <*> краевой суд, рассмотрев жалобу заявителя, подтвердил правильность решения районного суда об отказе в удовлетворении иска. Однако краевой суд изменил мотивировочную часть решения районного суда, отклонив довод относительно неприменимости правовых норм об ответственности государства, но поддержал вывод о том, что заявитель уже воспользовался правом на получение возмещения, успешно предъявив иск о возмещении вреда к непосредственному причинителю вреда (см. § 25 настоящего Постановления).

<*> Здесь и в некоторых других местах оригинала ошибочно указан Краснодарский суд (прим. переводчика).

65. Европейский суд отмечает, что российское законодательство, несомненно, предоставило заявителю возможность возбуждения судебного разбирательства о взыскании компенсации вреда, причиненного вследствие жестокого обращения с ним. Европейский суд напоминает, что заявитель воспользовался этой возможностью, предъявив иск к непосредственному причинителю вреда (см. § 19 настоящего Постановления) и впоследствии предъявив иск к различным государственным органам с требованием о компенсации вреда, причиненного жестоким обращением (см. § 23 настоящего Постановления). Национальные суды присудили ему 10000 рублей в качестве компенсации морального вреда, которая должна была быть взыскана с Н. Неудовлетворенность заявителя суммой возмещения сама по себе не свидетельствует о том, что иск о возмещении вреда не являлся эффективным средством правовой защиты, что порождало бы такую жалобу. В этой связи Европейский суд отмечает, что "эффективность" "средства правовой защиты" в значении статьи 13 Конвенции не зависит от определенности благоприятного исхода для заявителя. Орган, упоминаемый в этом положении, не обязательно должен быть судебным; но, если это не так, его полномочия и предоставляемые им гарантии имеют значение при определении того, является ли связанное с ним средство правовой защиты эффективным. Также, если отдельное средство правовой защиты само по себе не полностью удовлетворяет требованиям статьи 13 Конвенции, совокупность средств правовой защиты, предусмотренных национальным законодательством, может им удовлетворять (см. Постановление Европейского суда по делу "Чонка против Бельгии" (*{Conka} v. Belgium*), жалоба N 51564/99, § 75, ECHR 2002-I).

66. В то же время Европейский суд учитывает довод заявителя о неисполнении судебного решения в части выплаты компенсации. В этой связи следует отметить, что требования статьи 13 Конвенции имеют форму гарантии, а не простого заявления о намерениях или практических мер. Всем статьям Конвенции присущи последствия верховенства права, одного из основных принципов демократического общества (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Чонка против Бельгии", § 83). Европейский суд напоминает, что исполнимость решений принадлежит к числу требований статьи 13 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Т.Р. и К.М. против Соединенного Королевства", § 109). В то время как признание нарушения может составлять некоторую степень возмещения и удовлетворения, если

меры возмещения не будут исполнены, нельзя утверждать, что заявитель получил возмещение иначе как на "бумаге".

67. Представляется, что российские суды не обязаны даже в минимальной степени рассматривать вопрос о возможности исполнения решения, которое они выносят в отношении частного причинителя вреда. В конце концов истец, требования которого удовлетворены, не может предвидеть, получит ли он присужденную компенсацию. Однако Европейский суд учитывает, что в сфере исполнения решений по гражданским делам позитивное обязательство государства с точки зрения Конвенции ограничено организацией системы исполнения решений, которая является эффективной законодательно и на практике, и обеспечением их исполнения без ненадлежащей задержки (см. Постановление Европейского суда от 27 мая 2003 г. по делу "Санлье против Франции" (*Sanglier v. France*), жалоба N 50342/99, § 39; и Постановление Европейского суда от 7 июня 2005 г. по делу "Фуклев против Украины" (*Fuklev v. Ukraine*), жалоба N 71186/01, § 84). Только если власти обязаны действовать с целью исполнения решения и они не исполняют этой обязанности, их бездействие влечет ответственность с точки зрения Конвенции (см. Постановление Европейского суда от 28 сентября 1995 г. по делу "Сколло против Италии" (*Scollo v. Italy*), § 44, Series A, N 315-C).

68. Европейский суд отмечает, что заявитель не утверждал, что российский правопорядок не мог обеспечить исполнения решения, вынесенного по его делу, или что государство как носитель публичной власти не действовало старательно с целью содействия заявителю в обеспечении исполнения решения, вынесенного против Н. Европейский суд отмечает, что приговор от 6 июня 2002 г. о взыскании в пользу заявителя возмещения вреда с Н., оставленный без изменения 27 августа 2002 г., являлся окончательным и имеющим обязательную силу, что удовлетворяло требованию исполнимости, предусмотренному статьей 13 Конвенции.

69. Кроме того, продолжая рассматривать довод заявителя о неисполнимости судебного решения, Европейский суд учитывает выбор из числа средств правовой защиты, которые были доступны заявителю. Помимо уголовного разбирательства, в котором он выступал в качестве гражданского истца, заявитель имел право требовать возмещения вреда со стороны государства путем предъявления иска о возмещении вреда параллельно уголовному разбирательству против Н., хотя бы не в рамках самого этого уголовного разбирательства, или путем предъявления иска после завершения уголовного разбирательства (см. § 52 настоящего Постановления). Ничто не препятствовало заявителю в предъявлении такого иска в соответствующий момент со ссылкой на то, что государство должно нести ответственность за действия Н. и выплатить компенсацию за причиненный вред. Европейский суд полагает, что если бы заявитель избрал этот способ, вместо того чтобы предъявить иск к Н. в рамках уголовного дела, он мог исключить опасность вынесения решения о взыскании с несостоятельного ответчика. Однако заявитель сделал юридический выбор в пользу предъявления иска к Н. и поэтому должен нести бремя правовых последствий, включая несостоятельность ответчика и утраты права на иск к государству.

70. В итоге Европейский суд заключает, что факты настоящего дела не обнаруживают признаков нарушения статьи 13 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в связи с событиями 19 декабря 2001 г.

71. Заявитель жаловался на то, что 19 декабря 2001 г. милиция подвергла его обращению, не совместимому со статьей 3 Конвенции, что власти не провели эффективного расследования происшествия. Европейский суд рассмотрит жалобу с точки зрения обязательств государства, вытекающих из статьи 3 Конвенции, которая предусматривает следующее:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Доводы сторон

72. Власти Российской Федерации, оспаривая версию заявителя относительно событий 19 декабря 2001 г., утверждали, что отсутствовали объективные доказательства, подтверждающие версию заявителя. Следственные органы рассмотрели указанные события тщательно и отклонили жалобу заявителя, установив, что отсутствуют основания для привлечения к ответственности. Кроме того, национальные суды двух инстанций рассмотрели его требования и также признали их необоснованными.

73. Заявитель утверждал, что он получил медицинскую справку, свидетельствующую о том, что его дважды ударил в грудь сотрудник милиции. Нежелание следствия проводить тщательное расследование событий дало сотрудникам милиции время для того, чтобы представить объяснение своих действий относительно его задержания, содержания в течение двух часов в отделе милиции и жестокого обращения.

В. Мнение Европейского суда

1. Приемлемость жалобы

74. Европейский суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции, не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

а) Общие принципы

і) Что касается сферы статьи 3 Конвенции

75. Как указывал в ряде дел Европейский суд, статья 3 Конвенции гарантирует одну из важнейших ценностей демократического общества. Даже при наиболее сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция абсолютно исключает пытку и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание, независимо от поведения потерпевшего (см. Постановление Большой Палаты по делу "Лабита против Италии" (*Labita v. Italy*), жалоба N 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV, и Постановление Европейского суда от 15 ноября 1996 г. по делу "Чahal против Соединенного Королевства" (*Chahal v. United Kingdom*), § 79, Reports 1996-V). Статья 3 Конвенции не предусматривает исключений, и никакие отступления от нее в порядке применения пункта 2 статьи 15 Конвенции не допускаются даже в случае чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации (см. Постановление Большой Палаты по делу "Сельмуни против Франции" (*Selmouni v. France*), жалоба N 25803/94, § 95, ECHR 1999-V, и Постановление Европейского суда от 28 октября 1998 г. по делу "Ассенов и другие против Болгарии" (*Assenov and Others v. Bulgaria*), § 93, Reports 1998-VIII).

76. Европейский суд последовательно подчеркивал, что страдание и унижение должны в любом случае выходить за пределы неизбежного страдания или унижения, присущего данной форме законного обращения или наказания. Меры лишения свободы часто включают такой элемент. В соответствии со статьей 3 Конвенции государство должно обеспечить, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, совместимых с его человеческим достоинством, а также чтобы способ и метод исполнения такой меры не подвергали его страданиям или тяготам, превосходящим неизбежный уровень, присущий лишению свободы (см. Постановление Большой Палаты по делу "Кудла против Польши" (*Kudla v. Poland*), жалоба N 30210/96, § 92 - 94, ECHR 2000-XI).

77. В контексте лишения свободы Европейский суд подчеркивал, что лица, содержащиеся под стражей, находятся в уязвимом положении, и власти обязаны обеспечить их физическое благополучие (см. Постановление Европейского суда по делу "Тарариева против Российской Федерации").

Федерации" (Tarariyeva v. Russia), жалоба N 4353/03, § 73, ECHR 2006-... (извлечения); Постановление Европейского суда от 4 октября 2005 г. по делу "Сарбан против Молдавии" (Sarban v. Moldova), жалоба N 3456/05, § 77; и Постановление Европейского суда по делу "Муйсель против Франции" (Mouisel v. France), жалоба N 67263/01, § 40, ECHR 2002-IX). В отношении лица, лишенного свободы, любое использование силы, которое не является строго необходимым в связи с его поведением, умаляет человеческое достоинство и в принципе нарушает право, гарантированное статьей 3 Конвенции (см. Постановление Европейского суда от 7 декабря 2006 г. по делу "Шейдаев против Российской Федерации" (Sheydayev v. Russia), жалоба N 65859/01, § 59; Постановление Европейского суда от 4 декабря 1995 г. по делу "Рибич против Австрии" (Ribitsch v. Austria), § 38, Series A, N 336; и Постановление Европейского суда от 30 сентября 2004 г. по делу "Крастанов против Болгарии" (Krastanov v. Bulgaria), жалоба N 50222/99, § 53).

ii) Что касается установления фактов

78. Европейский суд напоминает, что утверждения о жестоком обращении должны быть подкреплены достаточными доказательствами. При оценке доказательств Европейский суд обычно применяет стандарт доказывания "вне всякого разумного сомнения" (см. Постановление Европейского суда от 18 января 1978 г. по делу "Ирландия против Соединенного Королевства" (Ireland v. United Kingdom), § 161, Series A, N 25). Однако такое доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых презумпций фактов. Если указанные события разворачиваются полностью или в значительной части в сфере исключительного ведения властей, как в делах лиц, находящихся под их контролем в местах лишения свободы, в связи с травмами, причиненными в период содержания под стражей, возникают прочные фактические презумпции. В действительности бремя доказывания может расцениваться как возлагающее на власти обязанность представить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. Постановление Большой Палаты по делу "Салман против Турции" (Salman v. Turkey), жалоба N 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

79. Если имело место разбирательство на уровне страны, в задачу Европейского суда не входит подменять своими выводами оценку фактов, осуществлявшуюся национальными судами, и, как правило, именно они должны оценивать представленные им доказательства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Клаас против Германии", § 29 <*>). Хотя Европейский суд не связан выводами судов страны, для того чтобы вынудить его отойти от выводов таких судов о фактах, при обычных обстоятельствах требуются бесспорные элементы (см. Постановление Европейского суда от 2 ноября 2006 г. по делу "Матко против Словении" (Matko v. Slovenia), жалоба N 43393/98, § 100). Однако когда заявитель ссылается на статью 3 Конвенции, Европейский суд обязан осуществлять особенно тщательную проверку этих данных (см., с необходимыми изменениями, упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Рибич против Австрии", § 32).

<*> Европейский суд спутал рассмотренные им дела. Ранее в тексте настоящего Постановления упоминалось дело "Класс и другие против Германии" (Klass and Others v. Germany) (Постановление от 6 сентября 1978 г., жалоба N 5029/71), тогда как Постановление по делу "Клаас против Германии" (Klaas v. Germany) вынесено 22 сентября 1993 г. по жалобе N 15473/89 (Series A, N 269). В § 29 последнего содержатся рассуждения о подмене своими выводами оценки фактов, осуществлявшейся национальными судами, тогда как в Постановлении 1978 года указанный параграф посвящен описанию процессуального обращения Комиссии по правам человека к Европейскому суду. Постановление по делу "Клаас против Германии" в тексте настоящего Постановления ранее не упоминалось (прим. переводчика).

b) Применение изложенных принципов в настоящем деле

i) Предполагаемое жестокое обращение со стороны милиции

80. Рассмотрев доводы сторон и все представленные ими материалы, Европейский суд находит установленным, что 19 декабря 2001 г. заявитель был задержан и доставлен в Свердловский районный отдел милиции. Он был освобожден через два часа. Немедленно после своего освобождения заявитель обратился в местное травматологическое отделение, утверждая, что его побил сотрудник милиции. Медицинское обследование в отделении повлекло установление диагноза "травма левой стороны груди" (см. § 29 настоящего Постановления). Диагноз был основан на жалобах заявителя на то, что он испытывает боль при прощупывании его груди. Врач не выявил каких-либо видимых признаков травмы. Дополнительные обследования не проводились, и лечение не назначалось.

81. Европейский суд отмечает необудительный характер травмы заявителя, которая была поставлена под сомнение экспертом при проверке. Он также учитывает тот факт, что первоначальный диагноз не был подкреплён последующими медицинскими наблюдениями, история развития травмы не была зафиксирована, поскольку заявитель не требовал дополнительного медицинского обследования или помощи. Кроме того, не имелось других доказательств жестокого обращения, таких как показания независимых свидетелей.

82. Отсюда следует, что материалы дела не содержат доказательной базы, достаточной для того, чтобы Европейский суд мог установить "вне всякого разумного сомнения", что заявитель подвергся предполагаемому жестокому обращению 19 декабря 2001 г. (см. аналогичную мотивировку в Решении Европейского суда от 9 ноября 2006 г. по делу "Гусев против Российской Федерации" (Gusev v. Russia), жалоба N 67542/01, и в более позднем Постановлении Европейского суда от 1 октября 2009 г. по делу "Топорков против Российской Федерации" (Toporkov v. Russia), жалоба N 66688/01, § 43 - 45). Соответственно, Европейский суд вынужден заключить, что по делу требования статьи 3 Конвенции в материально-правовом аспекте нарушены не были.

ii) Предполагаемая неадекватность расследования

83. Европейский суд напоминает, что если лицо выступает с доказуемой жалобой на жестокое обращение в нарушение статьи 3 Конвенции, эта статья во взаимосвязи с общим обязательством государства по статье 1 Конвенции "обеспечивать каждому, находящемуся в его юрисдикции, права и свободы, определенные в... Конвенции", косвенно требует проведения эффективного официального расследования. Обязательство расследовать - это "не обязательство получить результат, а обязательство принять меры": не каждое расследование обязательно должно быть удачным или привести к результатам, подтверждающим изложение фактов заявителем; однако оно должно, в принципе, вести к выяснению обстоятельств дела и, если жалобы оказались обоснованными, к установлению и наказанию виновных. Таким образом, расследование по серьезным жалобам на жестокое обращение должно быть тщательным. Это означает, что власти должны всегда предпринимать серьезные попытки установить, что на самом деле произошло, и не должны со ссылкой на поспешные или необоснованные выводы прекращать расследование либо принимать какие-либо решения. Они должны принимать все разумные меры для того, чтобы обеспечить доказательства по делу, в том числе показания очевидцев, заключения судебно-медицинской экспертизы и так далее. Любой недостаток расследования, который уменьшает шансы установить причины травм или личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Михеев против Российской Федерации", § 107 и последующие <*>, и упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Ассенов и другие против Болгарии", § 102 и последующие).

<*> Постановление Европейского суда от 26 января 2006 г. по делу "Михеев против Российской Федерации" (Mikheyev v. Russia), жалоба N 77617/01) (опубликовано в "Бюллетене Европейского суда по правам человека" N 6/2006) в тексте настоящего Постановления ранее не упоминалось (прим. переводчика).

84. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский суд отмечает, что 20 декабря 2001 г., на следующий день после предполагаемого жестокого обращения, заявитель подал жалобу Свердловскому районному прокурору. Таким образом, вопрос был надлежащим образом доведен до сведения компетентных органов в период, когда от них можно было разумно ожидать расследования указанных обстоятельств. Утверждения заявителя, которые являлись подробными и последовательными на всем протяжении национального разбирательства и в Европейском суде, по крайней мере, в определенной степени подкреплялись медицинской справкой, относящейся к травме левой стороны его груди. Европейский суд также учитывает тот факт, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, врач признал утверждения заявителя о жестоком обращении достаточно убедительными для уведомления об этом Свердловского районного отдела внутренних дел (см. § 29 настоящего Постановления). Жалоба заявителя, поданная в декабре 2001 г., была, таким образом, доказуемой, и у национальных органов возникла обязанность провести "тщательное и эффективное расследование, способное повлечь установление и наказание виновных" (см. аналогичную мотивировку в Постановлении Европейского суда по делу "Эгмез против Турции" (*Egmez v. Cyprus*), жалоба N 30873/96, § 66, ECHR 2000-XII; Постановлении Европейского суда от 6 апреля 2004 г. по делу "Ахмет Езкан и другие против Турции" (*Ahmet {Ozkan} and Others v. Turkey*), жалоба N 21689/93, § 358 и 359; и в более позднем Постановлении Европейского суда от 9 июля 2009 г. по делу "Генералов против Российской Федерации" (*Generalov v. Russia*), жалоба N 24325/03, § 139).

85. В этой связи Европейский суд отмечает, что органы прокуратуры, осведомленные о побоях заявителя, провели предварительную проверку, которая не повлекла уголовного преследования. Жалобы заявителя на жестокое обращение также были предметом рассмотрения национальных судов двух инстанций. По мнению Европейского суда, вопрос, соответственно, заключается не в том, была ли проверка, поскольку стороны не оспаривают факта ее проведения, сколько в том, осуществлялась ли она тщательно, намерены ли были власти установить и преследовать виновных, и, соответственно, была ли она "эффективной".

86. Европейский суд напоминает, что заявитель полностью зависел от прокурора в сборе доказательств, необходимых для подтверждения его жалобы. Прокурор был наделен полномочиями по опросу сотрудников милиции, вызову свидетелей, осмотру места происшествия, получению заключений экспертизы и принятию всех других существенных мер для установления правдивости показаний заявителя. Его роль имела решающее значение не только для расследования уголовного дела против возможных преступников, но также для использования заявителем иных средств правовой защиты в целях возмещения вреда, который он претерпел (см. § 50 настоящего Постановления).

87. Европейский суд, таким образом, прежде всего, оценит безотлагательность прокурорской проверки, которая может рассматриваться как показатель решимости властей преследовать виновных в жестоком обращении с заявителем (см. Постановление Большой Палаты по делу "Сельмуни против Франции" (*Selmouni v. France*), жалоба N 25803/94, § 78 и 79, ECHR 1999-V). В настоящем деле заявитель довел свои утверждения о жестоком обращении до властей, подав жалобу Свердловскому районному прокурору (см. § 33 настоящего Постановления). Прокурор не начал расследование сразу же после уведомления о предполагаемых побоях. Вместо этого он передал жалобу заявителя в Свердловский отдел внутренних дел, государственный орган, сотрудники которого были причастны к событиям, подлежавшим оценке, для проведения служебной проверки (см. § 34 настоящего Постановления). Хотя Европейский суд признает необходимость внутренних проверок в милиции с целью применения возможных дисциплинарных санкций по делам о предполагаемом превышении полномочий, он находит удивительным, что в настоящем деле первоначальные следственные действия, которые обычно имеют решающее значение для установления истины в делах о полицейской жестокости, совершались самим органом милиции (см. аналогичную мотивировку в Постановлении Европейского суда от 30 июля 2009 г. по делу "Владимир Федоров против Российской Федерации" (*Vladimir Fedorov v. Russia*),

жалоба N 19223/04, § 69). В этой связи Европейский суд напоминает, что свой неоднократный вывод о том, что расследование должно проводиться компетентными, квалифицированными и беспристрастными специалистами, независимыми от подозреваемых и учреждения, сотрудниками которого последние являются (см. Постановление Большой Палаты по делу "Рамсахай и другие против Нидерландов" (Ramsahai and Others v. Netherlands), жалоба N 52391/99, § 325, ECHR 2007-..., и Постановление Большой Палаты по делу "Оур против Турции" ({Ogur} v. Turkey), жалоба N 21594/93, § 91 - 92, ECHR 1999-III). Кроме того, хотя тщательность проверки по жалобе заявителя на жестокое обращение будет исследована ниже, Европейский суд намерен подчеркнуть уже теперь, что он не убежден в том, что ссылавшийся на показания сотрудников милиции в Постановлении от 18 февраля 2002 г. помощник прокурора заслушал их лично. Представляется, что он просто пересказал показания сотрудников милиции, полученные во время служебной проверки. Европейский суд, однако, учитывает важную роль, которую следственные опросы играют при получении точной и достоверной информации от подозреваемых, свидетелей и потерпевших и, в конце концов, при установлении истины относительно расследуемого дела. Наблюдение поведения подозреваемых, свидетелей и потерпевших при опросе и оценка доказательной силы их показаний образует существенную часть процесса проверки.

88. Кроме того, Европейский суд учитывает тот факт, что во время проверки не делались попытки проведения медицинской экспертизы заявителя. Европейский суд напоминает в этой связи, что надлежащее медицинское обследование является существенной гарантией против жестокого обращения. Судебный медик должен обладать формальной и фактической независимостью, иметь специальную подготовку и действовать в соответствии с поручением общего характера (см. Постановление Европейского суда по делу "Аккоч против Турции" ({Akoc} v. Turkey), жалобы N 22947/93 и 22948/93, § 55 и § 118, ECHR 2000-X). Европейский суд отмечает, что безотлагательная медицинская экспертиза заявителя имела особенно важное значение при обстоятельствах настоящего дела в отсутствие исчерпывающего вывода относительно физического насилия, на которое ссылался заявитель. Кроме того, с учетом психологических последствий, которые обычно влечет физическое насилие, Европейский суд полагает, что наличие психологических симптомов или травм также могло быть задокументировано и оценено. Сочетание физических и психологических доказательств могло, соответственно, быть использовано для подкрепления или опровержения утверждений заявителя. В этой связи Европейский суд с озабоченностью отмечает, что отсутствие объективных доказательств - таких как медицинская экспертиза - было впоследствии использовано в качестве основания для отказа в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции.

89. Что касается тщательности проверки, Европейский суд также отмечает ряд значительных недостатков, способных подорвать ее достоверность и эффективность. Во-первых, Европейский суд отмечает, что имел место выборочный и в какой-то степени непоследовательный подход к оценке доказательств следственными органами. Хотя извлечения из показаний заявителя были отражены в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, органы прокуратуры не нашли их заслуживающими доверия, поскольку они отражали личную точку зрения и обвинительную тактику заявителя. Однако следователь нашел показания сотрудников милиции достоверными, несмотря на то, что они могли составлять оправдательную тактику и быть направлены на подрыв доверия к заявителю. По мнению Европейского суда, проверка прокуратуры применяла различные стандарты при оценке правдивости показаний, поскольку показания заявителя рассматривались как субъективные, в отличие от показаний сотрудников милиции. Достоверность показаний последних подлежала такой же строгой оценке, поскольку проверка должна была установить, подлежат ли они дисциплинарной или уголовной ответственности (см. Постановление Европейского суда от 23 февраля 2006 г. по делу "Огнянова и Чобан против Болгарии" (Ognyanova and Choban v. Bulgaria), жалоба N 46317/99, § 99).

90. Во-вторых, Европейский суд находит удивительным, что, несмотря на прямое указание вышестоящего прокурора (см. § 43 настоящего Постановления), следователь не смог установить каких-либо свидетелей, которые не принадлежали бы к милицмейскому или медицинскому

персоналу. Хотя следственные органы могли не располагать именами лиц, которые могли видеть заявителя в отделе милиции или могли быть свидетелями его предполагаемых побоев, от них можно было ожидать принятия по собственной инициативе мер по установлению возможных свидетелей. Кроме того, Европейский суд находит странным, что следователю понадобился год, для того чтобы допросить бывшего милицейского стажера И. (см. § 41 настоящего Постановления). К моменту первого опроса в сентябре 2002 г. И. была уже действующим сотрудником милиции в рамках системы, которая требует лояльности и подчинения некоторым ограничениям. Европейский суд полагает, что изменение статуса И. могло повлиять на содержание показаний, которые она давала.

91. В любом случае у Европейского суда складывается впечатление, что основное внимание при проверке по жалобе заявителя уделялось не случаю предполагаемого жестокого обращения. Вместо этого власти сосредоточились на установлении объяснения задержания и содержания заявителя в отделе милиции и на опровержении его утверждений о подделке протокола. Европейский суд вновь подчеркивает странный характер действий прокуратуры, которая в первые дни проверки назначила экспертизу подписей на протоколе задержания, но не назначила медицинскую экспертизу заявителя (см. § 36 настоящего Постановления). Опрос руководителя травматологического отделения - еще один пример нетрадиционной следственной техники властей (см. § 41 настоящего Постановления). Европейский суд находит удивительным, что заместитель прокурора посвятил этот опрос проверке утверждений о нетрезвом состоянии заявителя, а не получению медицинской оценки характера и причин травм заявителя.

92. Европейский суд, таким образом, находит, что неспособность следственного органа собрать достоверные доказательства и его благосклонность по отношению к сотрудникам милиции должны рассматриваться как особенно серьезный недостаток расследования (см. Постановление Европейского суда от 25 сентября 1997 г. по делу "Айдын против Турции" (*Aydin v. Turkey*), § 106, Reports 1997-VI).

93. Наконец, что касается судебного разбирательства в связи с жалобами заявителя на решения прокуратуры, Европейский суд находит поразительным, что ни районный, ни региональный суды не проявили интереса к установлению и личному опросу свидетелей предполагаемых побоев заявителя или получению показаний сотрудников милиции, причастных к происшествиям (см. Постановление Европейского суда от 24 мая 2007 г. по делу "Зелилоф против Греции" (*Zelilof v. Greece*), жалоба N 17060/03, § 62; и Постановление Европейского суда от 16 февраля 2006 г. по делу "Осман против Болгарии" (*Osman v. Bulgaria*), жалоба N 43233/98, § 75). По мнению Европейского суда, этот необъяснимый недостаток разбирательства лишил заявителя возможности эффективно оспаривать версию событий, выдвинутую предполагаемыми виновниками (см. Постановление Европейского суда от 16 декабря 2003 г. по делу "Кметть против Венгрии" (*Kmetty v. Hungary*), жалоба N 57967/00, § 42). Кроме того, Европейский суд учитывает тот факт, что хотя районный и региональный суды оставили в силе Постановление заместителя прокурора от 20 сентября 2002 г. о прекращении дела, найдя его обоснованным и правильным, указанное Постановление было через два месяца отменено вышестоящим прокурором на том основании, что проверка являлась неполной, а решение - преждевременным (см. § 42 и 43 настоящего Постановления).

94. С учетом указанных выше недостатков действий российских должностных лиц Европейский суд находит, что проверка, предпринятая в отношении жалобы заявителя на жестокое обращение, не была тщательной, адекватной и эффективной. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

III. Иные предполагаемые нарушения Конвенции

95. Европейский суд рассмотрел иные жалобы, представленные заявителем. Однако, принимая во внимание представленные материалы, и постольку, поскольку предмет жалоб

относится к его юрисдикции, Европейский суд не усматривает в них признаков нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией или Протоколами к ней. Следовательно, жалоба в данной части подлежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

96. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Европейский суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

97. 9 сентября 2005 г. Европейский суд предложил заявителю представить требования о справедливой компенсации. Заявитель не представил таких требований в установленные сроки.

98. При таких обстоятельствах Европейский суд обычно не присуждает компенсации. В настоящем деле, однако, Европейский суд находит возможным присудить заявителю 9000 евро в качестве компенсации морального вреда (см. для сравнения Постановление Европейского суда от 20 января 2005 г. по делу "Майзит против Российской Федерации" (Mayzit v. Russia), жалоба N 63378/00, § 87 - 88; Постановление Европейского суда от 7 июня 2007 г. по делу "Игорь Иванов против Российской Федерации" (Igor Ivanov v. Russia), жалоба N 34000/02, § 48 - 50; Постановление Европейского суда от 3 июля 2008 г. по делу "Чембер против Российской Федерации" (Chember v. Russia), жалоба N 7188/03, § 77; Постановление Европейского суда от 31 июля 2008 г. по делу "Надросов против Российской Федерации" (Nadrosov v. Russia), жалоба N 9297/02, § 55; Постановление Европейского суда от 2 октября 2008 г. по делу "Русу против Австрии" (Rusu v. Austria), жалоба N 34082/02, § 62; и, наиболее позднее, Постановление Европейского суда от 18 декабря 2008 г. по делу "Кац и другие против Украины" (Kats and Others v. Ukraine), жалоба N 29971/04, § 149), а также любые налоги, подлежащие начислению на указанную выше сумму.

99. Европейский суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД:

1) признал единогласно жалобу приемлемой в части жестокого обращения с заявителем 24 апреля 2000 г., предполагаемого жестокого обращения с заявителем 19 декабря 2001 г. и неэффективности проверки в связи с этим предполагаемым случаем жестокого обращения, а в остальной части неприемлемой;

2) постановил пятью голосами "за" и двумя - "против", что по делу требования статьи 13 Конвенции нарушены не были;

3) постановил единогласно, что по делу требования статьи 3 Конвенции в материально-правовом аспекте нарушены не были;

4) постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в процессуальном аспекте;

5) постановил пятью голосами "за" и двумя - "против":

а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, выплатить заявителю 9000 евро (девять тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, подлежащие переводу в рубли

по курсу, который будет установлен на день выплаты, а также любые налоги, начисляемые на указанную сумму;

b) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 18 марта 2010 г., в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель Палаты Суда
Х.РОЗАКИС

Заместитель Секретаря Секции Суда
А.ВАМПАШ

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда, к Постановлению прилагается совместное частично несовпадающее особое мнение судей Шпильманна и Малинверни.

Х. Л. Р.

А. М. В.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ШПИЛЬМАННА И МАЛИНВЕРНИ

1. Мы голосовали против пунктов 2 и 5 резолютивной части, поскольку, по нашему мнению, имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

2. Мы хотели бы прежде всего отметить, что именно государства, в первую очередь, силами национальных судов, должны рассматривать нарушения конвенционных прав на уровне страны в соответствии с критериями, принятыми Европейским судом. Этот принцип - принцип субсидиарности - был недавно подтвержден на Интерлакенской конференции. Действительно, Интерлакенская декларация от 19 февраля 2010 г. напомнила "обязательства государств-сторон обеспечить полную защиту на национальном уровне прав и свобод, гарантируемых Конвенцией", призвала "к укреплению принципа субсидиарности" и подчеркнула, что "этот принцип подразумевает совместную ответственность государств-сторон и Европейского суда" (пункт 2 преамбулы к Декларации). Кроме того, она напомнила "о первоочередной ответственности государств-сторон за то, чтобы гарантировать применение и осуществление Конвенции" и призвала государства-стороны "гарантировать (в частности), ... чтобы любое лицо, обоснованно заявляющее, что его права и свободы, признанные Конвенцией, были нарушены, пользовалось бы эффективным средством правовой защиты в национальном органе и, в случае необходимости, получало должную компенсацию" (пункт В. 4. "d" Декларации).

3. По нашему мнению, Европейскому суду следовало бы развить свое толкование статьи 13 Конвенции требованием о том, что эффективное средство правовой защиты должно включать рассмотрение, основанное на критериях, установленных Европейским судом, и его прецедентной практике, тем самым "содействуя" государствам-участникам в обеспечении эффективного воплощения Конвенции в применении национальным судом законодательства.

4. Статья 13 Конвенции гарантирует доступность на уровне страны средства правовой защиты, направленного на обеспечение предусмотренных Конвенцией прав и свобод, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном правовом порядке. Таким образом, статья 13 Конвенции требует наличия на национальном уровне средства правовой защиты, обеспечивающего рассмотрение компетентным органом страны существа соответствующей жалобы на нарушение Конвенции и предоставления соответствующего возмещения, хотя государства-участники наделены определенной свободой усмотрения при определении способа реализации обязательств, предусмотренных названной статьей. Европейский суд уже указывал, что объем обязательств по статье 13 Конвенции различен в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не менее средство правовой защиты, предусмотренное статьей 13 Конвенции, должно быть "эффективным" как практически, так и на законодательном уровне, в частности, его реализации не должны необоснованно препятствовать действия или бездействие властей государства-ответчика (см. Постановление Европейского суда от 18 декабря 1996 г. по делу "Аксой против Турции" (Aksoy v. Turkey), § 95, Reports of Judgments and Decisions 1996-VI, и Постановление Европейского суда от 28 ноября 1997 г. по делу "Ментеш и другие против Турции" (Mentes and Others v. Turkey), § 89, Reports 1997-VIII). Мы также полагаем, что если ставится вопрос о доказуемом нарушении одного или нескольких прав, предусмотренных Конвенцией, для жертвы должен быть доступен механизм установления ответственности государственных должностных лиц или органов за это нарушение (см. Постановление Большой Палаты по делу "Т.Р. и К.М. против Соединенного Королевства" (T.P. and K.M. v. United Kingdom), жалоба N 28945/95, § 107, ECHR 2001-V (извлечения)). Кроме того, в деле о нарушении статей 2 и 3 Конвенции в числе мер возмещения должны быть в принципе предусмотрены компенсации материального ущерба и морального вреда (см. Постановление Большой Палаты по делу "Z и другие против Соединенного Королевства" (Z and Others v. United Kingdom), жалоба N 29392/95, § 109, ECHR 2001-V).

5. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, мы отмечаем, и это не оспаривалось сторонами, что заявитель претерпел серьезные травмы вследствие поведения сотрудника милиции Н. Одно лишь эффективное расследование жалоб заявителя на жестокое обращение не могло устранить физического и психологического ущерба, вызванного прямым и сознательным посягательством на личную неприкосновенность заявителя и потому представляло только одну часть группы мер, необходимых для обеспечения возмещения за жестокое обращение со стороны представителя государства (см. Постановление Европейского суда от 24 июля 2008 г. по делу "Владимир Романов против Российской Федерации" (Vladimir Romanov v. Russia), жалоба N 41461/02, § 79). Заявитель утверждал, что он пытался получить возмещение за жестокое обращение, которое он претерпел, с помощью двух исков о возмещении вреда. Однако он утверждал, что средство правовой защиты не было достаточно эффективным для того, чтобы отвечать требованиям статьи 13 Конвенции, поскольку оно не предоставило адекватного возмещения. Из вышеизложенного следует, что Европейский суд должен рассмотреть вопрос о том, представляет ли судебный способ получения компенсации вреда, причиненного заявителю, эффективное, адекватное и доступное средство правовой защиты, способное удовлетворять требованиям статьи 13 Конвенции.

6. Заявитель предъявил иск в ходе уголовного разбирательства против сотрудника милиции Н., требуя компенсации вреда, причиненного незаконным поведением последнего. Национальные суды частично удовлетворили иск, присудив заявителю 10000 рублей в качестве компенсации морального вреда, и указали ему на право предъявления отдельного иска о компенсации в связи с причиненными ему травмами (см. § 19 настоящего Постановления). Решение не было исполнено из-за отсутствия у Н. необходимых средств. Впоследствии заявитель предъявил иск к ряду государственных органов, включая Емельяновский районный отдел внутренних дел, в котором работал сотрудник Н., утверждая, что сумма присужденной компенсации являлась неадекватной и фактически не была ему выплачена. Он также утверждал, что суды должны возложить на государство ответственность и наказать его за возмутительное поведение его представителя, с тем чтобы предотвратить будущие преступления, и, таким образом, присудить ему достаточную компенсацию за причиненные травмы. 3 апреля 2003 г. Свердловский районный суд отклонил иск,

указав, что ситуация, в которой оказался заявитель, не охватывается правовыми нормами, лишающими государство иммунитета от требований о возмещении вреда и устанавливающими условия для исков и требований к государству в связи с вредом, причиненным незаконными действиями или бездействием его органов и должностных лиц. Кроме того, районный суд установил, что заявитель уже воспользовался правом на получение возмещения, успешно предъявив иск о возмещении вреда к непосредственному причинителю вреда, Н. (см. § 24 настоящего Постановления). 16 июля 2003 г. Красноярский краевой суд, рассмотрев жалобу заявителя, подтвердил правильность решения районного суда об отказе в удовлетворении иска. Однако краевой суд изменил мотивировочную часть решения районного суда, отклонив довод относительно неприменимости правовых норм об ответственности государства, но поддержал вывод о том, что заявитель уже воспользовался правом на получение возмещения, успешно предъявив иск о возмещении вреда к непосредственному причинителю вреда (см. § 25 настоящего Постановления).

7. Российское законодательство, несомненно, предоставило заявителю возможность возбуждения судебного разбирательства о взыскании компенсации вреда, причиненного вследствие жестокого обращения с ним. Заявитель воспользовался этой возможностью, предъявив иск к непосредственному причинителю вреда (см. § 19 настоящего Постановления) и впоследствии предъявив иск к различным государственным органам с требованием о компенсации вреда, причиненного жестоким обращением (см. § 23 настоящего Постановления). Отсюда следует, что в настоящем деле абсолютно необходимо удостовериться в том, повлек ли способ толкования и применения национального законодательства судами страны в процессе применения компенсаторного средства правовой защиты последствия, совместимые с принципами Конвенции, получившими истолкование в прецедентной практике Европейского суда (см. Постановление Большой Палаты по делу "Скордино против Италии" (*Scordino v. Italy*) (N 1), жалоба N 36813/97, § 187 - 191, ECHR 2006-V).

8. Мы хотели бы напомнить довод заявителя о том, что он предъявил второй иск, поскольку находил сумму компенсации, взысканной с Н., недостаточной, неразумной и, в любом случае, неисполнимой (см. § 22 Постановления). В этой связи мы отмечаем, что "эффективность" "средства правовой защиты" в значении статьи 13 Конвенции не зависит от определенности благоприятного для заявителя исхода (см. Постановление Европейского суда по делу "Чонка против Бельгии" (*Conka v. Belgium*), жалоба N 51564/99, § 75, ECHR 2002-I). В то же время Конвенция должна толковаться таким образом, чтобы гарантировать права, которые являются практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными (см., в частности, Постановление Европейского суда от 13 мая 1980 г. по делу "Артико против Италии" (*Artico v. Italy*), § 33, Series A, N 37; Постановление Европейского суда от 7 июля 1989 г. по делу "Серинг против Соединенного Королевства" (*Soering v. United Kingdom*), § 87, Series A, N 161; и Постановление Европейского суда от 20 марта 1991 г. по делу "Крус Варас и другие против Швеции" (*Cruz Varas and Others v. Sweden*), § 99, Series A, N 201). Это также относится к праву, воплощенному в статье 13 Конвенции. Европейский суд уже не раз указывал, что понятие эффективного средства правовой защиты с точки зрения статьи 13 Конвенции требует, чтобы средство правовой защиты могло повлечь присуждение справедливой и разумной компенсации, соразмерной причиненному ущербу (см. Постановление Европейского суда от 18 июня 2009 г. по делу "Вдовина против Российской Федерации" (*Vdovina v. Russia*), жалоба N 13458/07, § 29; Постановление Европейского суда от 10 апреля 2008 г. по делу "Вассерман против Российской Федерации" (*Wasserman v. Russia*) (N 2), жалоба N 21071/05, § 49; и, с необходимыми изменениями, Постановление Большой Палаты по делу "Кокьярелла против Италии" (*Cocchiarella v. Italy*), жалоба N 64886/01, § 93, ECHR 2006-V, с дополнительными отсылками).

9. Таким образом, вопрос о том, получил ли заявитель возмещение за причиненный вред, является одним из вопросов, требующих рассмотрения. Мы учитываем тот факт, что задача расчета размера компенсации является сложной. Она особенно трудна в деле, предметом которого является личное страдание, физическое или нравственное. Не существует стандарта, позволяющего

измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство и нравственное страдание и тоску. Однако мы не можем пренебречь тем фактом, что присужденная сумма в 10000 рублей при обстоятельствах дела представляется несоразмерно малой, особенно в сравнении с суммами, которые обычно присуждает Европейский суд по аналогичным российским делам (см., например, Постановление Европейского суда от 8 января 2009 г. по делу "Барабанщиков против Российской Федерации" (Barabanshchikov v. Russia), жалоба N 36220/02, § 70, и Постановление Европейского суда от 31 июля 2008 г. по делу "Надросов против Российской Федерации" (Nadrosov v. Russia), жалоба N 9297/02, § 54 <*>).

<*> В большинстве российских дел (см. дела, на которые имеются ссылки в этом абзаце), в которых Европейский суд установил нарушение статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечным обращением, сумма компенсации составляла приблизительно 10000 - 15000 евро.

10. В этой связи мы напоминаем, что, подчеркивая значение разумной суммы справедливой компенсации, присуждаемой в рамках национальной системы, для того чтобы данное средство правовой защиты могло рассматриваться как эффективное с точки зрения Конвенции, Европейский суд неоднократно указывал, что национальные суды пользуются более широкими пределами усмотрения при оценке суммы выплачиваемой компенсации в соответствии с собственной правовой системой и традициями и уровнем жизни в данной стране, даже если присуждаемые суммы уступают тем, которые назначаются Европейским судом в аналогичных делах (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Кокьярелла против Италии", § 80). Европейский суд также признает, что в некоторых делах предполагаемое нарушение конвенционного права может повлечь присуждение минимальной суммы морального вреда или даже отсутствие выплаты по данному основанию. Однако в таких делах национальные суды должны обосновать свое решение достаточными мотивами (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Скордино против Италии", § 203 - 204). Одна из целей мотивированного решения заключается в том, чтобы продемонстрировать сторонам, что их требования надлежащим образом рассмотрены (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского суда от 1 июля 2003 г. по делу "Суоминен против Финляндии" (Suominen v. Finland), жалоба N 37801/97, § 37). Важность статьи 13 Конвенции для сохранения субсидиарного характера конвенционной системы должна подчеркиваться тем, что жалобы лиц должны адекватно рассматриваться прежде всего в рамках национальной правовой системы (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Чонка против Бельгии", § 84, и Постановление Большой Палаты по делу "Кудла против Польши" (Kudla v. Poland), жалоба N 30210/96, § 155, ECHR 2000-XI).

11. Таким образом, основной вопрос, требующий рассмотрения Европейским судом, заключается в обосновании национальными судами компенсации, присужденной в деле заявителя. В этом отношении мы отмечаем, что районный и региональный суды не привели мотивов, оправдывающих сумму компенсации, присужденную заявителю. Решения национальных судов не позволяют установить, какие вопросы суды приняли во внимание, какие национальные стандарты компенсации они использовали или какие методы расчета применили при определении размера компенсации. Власти Российской Федерации не представили Европейскому суду данных, свидетельствующих о характере критериев, примененных национальными судами при оценке требований заявителя и показывающих, что они основаны на конвенционных принципах и совпадают с собственным подходом Европейского суда. Отсутствует также объяснение отказу национальных судов в рассмотрении по существу требования заявителя о компенсации за вред, причиненный здоровью вследствие жестокого обращения с ним. Мы учитываем тот факт, что немотивированность решений национальных судов может указывать на существование определенной степени неопределенности и двусмысленности относительно точного статуса, пределов и содержания права на получение возмещения за нарушение, которое гарантирует статья 3 Конвенции, и способа применения этого права на практике. При таких обстоятельствах мы

испытываем сомнения относительно того, что заявитель имел эффективную возможность представить в национальные суды жалобу на нарушение Конвенции в части его прав не подвергаться жестокому обращению и получить полное возмещение в связи с ним.

12. Однако мы также готовы сделать еще более далеко идущие выводы из уклонения национальных судов от мотивирования своих решений. С учетом полного отсутствия мотивов несопоставимо малой суммы компенсации, присужденной заявителю национальными судами, мы уверенно полагаем, что суды не рассмотрели надлежащим образом требования заявителя и не смогли действовать в соответствии с принципом адекватного и эффективного устранения нарушения. Мы не убеждены, что национальные суды в настоящем деле, руководствуясь искренним желанием поступать справедливо и исключительно разумно, попытались оценить воздействие, которое случай жестокого обращения оказал на благополучие заявителя (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского суда по делу "Дугоз против Греции" (*Dougoz v. Greece*), жалоба N 40907/98, § 46, ECHR 2001-II), и определить уровень физических и эмоционального страданий, беспокойства или иного вредного эффекта, который претерпел заявитель (см. Решение Европейского суда от 25 ноября 2004 г. по делу "(*Nardone v. Italy*), жалоба N 34368/02). С учетом этого вывода и того факта, что статья 13 Конвенции содержит прямое выражение обязанности государства защищать права человека в первую очередь и прежде всего в рамках собственной правовой системы, устанавливая дополнительную гарантию для эффективного использования лицом этих прав (см. Постановление Европейского суда от 20 июня 2002 г. по делу "Аль-Нашиф против Болгарии" (*Al-Nashif v. Bulgaria*), жалоба N 50963/99, § 132), мы, таким образом, вынуждены заключить, что российские власти не исполнили своей обязанности обеспечить право заявителя, гарантированное этим положением Конвенции.

13. Мы хотели бы также рассмотреть довод о неисполнимости решения о присуждении компенсации. В частности, заявитель утверждал, что российское законодательство не позволяет предвидеть, какие правовые последствия имело предъявление иска против Н., частного причинителя вреда, и что он не сможет добиться исполнения решения. Признавая, что он имел выбор правовых способов осуществления попытки получения компенсации за жестокое обращение, которое он претерпел, заявитель подчеркивал, что в российском законодательстве не имелось ясного указания на то, какое средство правовой защиты обеспечило бы ему более значимый результат, или, если только совокупность средств правовой защиты могла быть эффективной в его деле, каков был правильный порядок их использования. В этом отношении довод заявителя восходит к ключевому принципу Конвенции о том, что даже если отдельно взятое средство правовой защиты само по себе во всей полноте не удовлетворяет требованиям статьи 13 Конвенции, совокупность средств правовой защиты, предусмотренных национальным законодательством, может им удовлетворять (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Кудла против Польши", § 152; и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Т.Р. и К.М. против Соединенного Королевства", § 107). Поэтому он должен быть тщательно рассмотрен.

14. Мы отмечаем, что, помимо уголовного разбирательства, в котором заявитель выступал в качестве гражданского истца, имелся еще один способ получения компенсации за вред, причиненный жестоким обращением с ним. Гражданский кодекс России предусматривает право требовать компенсации за причиненный вред от государства путем предъявления иска о возмещении вреда параллельно с уголовным разбирательством против Н., но не в рамках последнего, или путем предъявления такого иска после окончания уголовного разбирательства (см. § 52 Постановления).

15. Что касается первого способа, Европейский суд уже имел возможность выразить мнение об эффективности такого средства правовой защиты в России, указав, что в отсутствие вывода о виновности, сделанного национальными судами в уголовном разбирательстве, требование о возмещении вреда, как и любое другое средство правовой защиты, доступное заявителю, имело ограниченные перспективы успеха и могло рассматриваться как теоретическое и иллюзорное, не

способное обеспечить возмещение заявителю (см. Постановление Европейского суда от 3 июля 2008 г. по делу "Чембер против Российской Федерации" (Chember v. Russia), жалоба N 7188/03, § 71). Власти Российской Федерации не представили Европейскому суду какого-либо доказательства того, что при обстоятельствах настоящего дела иск к государству, предъявленный до осуждения Н., мог считаться эффективным.

16. Что касается второго способа, мы напоминаем, что, как следует из толкования национальными судами положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности государства, после присуждения компенсации со стороны сотрудника милиции Н. заявитель утратил право требовать компенсацию от государства (см. § 25 Постановления). Установив, что это средство правовой защиты было уже недоступно для заявителя после вынесения решения о взыскании с Н., мы не считаем нужным продолжать анализ. Однако мы учитываем подразумеваемый довод властей Российской Федерации о том, что заявитель несет ответственность за сделанный им правовой выбор, поскольку он мог избрать предъявление иска к Н. и государству одновременно, вместо того, чтобы выступить гражданским истцом по уголовному делу.

17. В этом отношении мы хотели бы подчеркнуть два аспекта. Во-первых, мы не убеждены, что положения Гражданского кодекса Российской Федерации, в частности статьи 150, 151, 1069 и 1070, на которые ссылались национальные суды при отклонении иска заявителя (см. § 24 настоящего Постановления), предоставляли заявителю достаточные гарантии от недопонимания порядка использования доступных средств правовой защиты и ограничений, вытекающих из их одновременного использования. В этой связи мы полагаем, что ни формулировка этих положений, ни их законодательная история не могли позволить заявителю уяснить, какие правовые выводы сделают национальные суды из его правового выбора о предъявлении иска вначале к Н. Иными словами, они не дали ему оснований полагать, что его иск к Н. может повлечь лишение права на предъявление иска к государству с целью получения более значительной суммы компенсации, чем уже присужденная ему за счет Н. Мы отмечаем, что ни власти Российской Федерации, ни национальные суды не ссылались на какое-либо правовое положение, разъясняющее вид ответственности (субсидиарная, солидарная и так далее), которую несет государство за действия своих должностных лиц при рассматриваемых обстоятельствах. В частности, суды не обосновали свою позицию о том, что заявитель не имеет права предъявлять гражданско-правовые требования к государству при том условии, что в новом разбирательстве уже присужденная ему компенсация была бы принята во внимание в целях определения того, получил ли он полное и адекватное возмещение. Таким образом, мы полагаем, что заявитель мог разумно требовать в национальных судах компенсации от государства, даже если в его пользу было присуждено возмещение вреда за счет Н.

18. Во-вторых, мы учитываем тот факт, что уголовное разбирательство против Н. продолжалось более двух лет, и национальным судам потребовался еще почти год для рассмотрения его иска к государству. С учетом ситуации, в которой находился заявитель в то время, ему не может быть поставлено в вину использование способа, отвечавшего наиболее насущным его потребностям, то есть гражданского иска в уголовном разбирательстве против Н., поскольку он имел основания полагать, что если он предъявит иск против Н. и будет не удовлетворен его исходом, он не будет лишен права возбудить разбирательство против государства.

19. Подводя итог, мы полагаем, что сочетание факторов, рассмотренных выше, свидетельствует о том, что заявитель не располагал ни обособленным средством правовой защиты, ни совокупностью средств правовой защиты, удовлетворяющими требованиям статьи 13 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение этого положения Конвенции.

20. Наконец, мы отмечаем, что размер компенсации морального вреда, присужденной в соответствии со статьей 41 Конвенции, является слишком незначительным. Поскольку мы полагаем, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции, мы логично голосовали против пункта 5 резолютивной части Постановления.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

FIRST SECTION

**CASE OF MAKSIMOV v. RUSSIA
(Application No. 43233/02)**

JUDGMENT <*>

(Strasbourg, 18.III.2010)

<*> This judgment will become final in the circumstances set out in Article 44 § 2 of the Convention. It may be subject to editorial revision.

In the case of Maksimov v. Russia,

The European Court of Human Rights (First Section), sitting as a Chamber composed of:

Christos Rozakis, President,

Anatoly Kovler,

Elisabeth Steiner,

Dean Spielmann,

Sverre Erik Jebens,

Giorgio Malinverni,

George Nicolaou, judges,

and {Andre} Wampach, Deputy Section Registrar,

Having deliberated in private on 25 February 2010,

Delivers the following judgment, which was adopted on that date:

PROCEDURE

1. The case originated in an application (No. 43233/02) against the Russian Federation lodged with the Court under Article 34 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms ("the Convention") by a Russian national, Mr Vladimir Vladimirovich Maksimov ("the applicant"), on 22 November 2002.

2. The Russian Government ("the Government") were represented by Mr P. Laptev, former Representative of the Russian Federation at the European Court of Human Rights.

3. The applicant alleged, in particular, that the domestic courts had refused to award him sufficient

compensation for the damage caused as a result of the unlawful actions of police officers in April 2000, and that police officers had ill-treated him in December 2001.

4. On 20 May 2005 the President of the First Section decided to give notice of the application to the Government. It was also decided to examine the merits of the application at the same time as its admissibility (Article 29 § 3).

5. The Government objected to the joint examination of the admissibility and merits of the application. Having examined the Government's objection, the Court dismisses it.

THE FACTS

I. The circumstances of the case

6. The applicant was born in 1963 and lives in Krasnoyarsk.

A. Attempt to search the applicant's country house in March 2000

7. On 2 March 2000 two police officers came to the applicant's country house, intending to search it. The applicant objected and the police officers left. According to the applicant they returned later that day, climbed over the fence and broke it.

8. On 23 December 2001 the applicant, having been unsuccessful in his attempts to initiate criminal proceedings against the police officers, lodged an action against the local prosecution authorities seeking compensation for damage resulting from their refusal to open a criminal case.

9. On 10 September 2002 the Krasnoyarsk Regional Court, at final instance, dismissed the action, finding that the prosecution authorities had no cause to institute criminal proceedings as the police officers had not searched the applicant's house.

B. Ill-treatment on 24 April 2000

1. Events on 24 April 2000

10. On 24 April 2000, at 2.30 a.m., two police officers, Mr N. and Mr Ne., and officer N.'s relative, Mr V., acting on information that the applicant owned an unregistered weapon, broke into his country house. The applicant and his fifteen-year-old daughter were in the house. The officers told the applicant that a man had been killed in a nearby house and demanded that the applicant hand over his hunting rifle and cartridges.

11. In response to the applicant's assertion that he did not own a weapon, officer N. twice hit him in the head with the hilt of his gun. Threatening to use a gun, he then ordered the applicant to stand with his face to the wall, his hands against the wall and his legs spread. Having learnt that the applicant's daughter was also in the house, officer N. ordered her to come downstairs. When she refused, officer N. shot into the air. As the applicant's daughter still refused to comply, officer N. approached and hit her at least four times in the head with the hilt of his gun. According to the applicant, having dragged the girl downstairs, officer N. continued beating him and his daughter, threatening them with murder.

12. The police officers and Mr V. searched the house. Having found no weapons, officer N. again beat the applicant up. The applicant alleged that officer N. had pressed the gun against his head and had pulled the trigger. No shot was fired because the gun was not loaded. More murder threats followed.

13. The police officers tied the applicant's hands behind his back and took him to another house where the beating and threats continued. The applicant was released several hours later after having

promised to come to a police station on the following day.

2. Criminal proceedings

14. On 25 April 2000 the applicant lodged a complaint with the Yemelyanovskiy district prosecutor, describing the events of the previous night. Criminal proceedings were instituted.

15. On 24 July 2000 an investigator discontinued the criminal proceedings, finding that the applicant's complaints were manifestly ill-founded. The investigator observed that medical experts had examined the applicant and his daughter and had diagnosed both of them with closed craniocerebral injuries and concussion. The experts also recorded compound wounds in the parietal region of the applicant's head and four tear-contused wounds on his daughter's head. However, the investigator concluded that there was no evidence in support of the applicant's allegations that the injuries had been caused by officer N.

16. Four days later the Yemelyanovskiy district prosecutor quashed the decision and reopened the investigation.

17. On an unspecified date officer N. was served with the bill of indictment and committed to stand trial before the Yemelyanovskiy District Court of the Krasnoyarsk Region.

18. The applicant and his representative attended the trial hearings. On 4 June 2002 the District Court found the applicant's representative in contempt for having offended the presiding judge and excluded the representative from the courtroom.

19. On 6 June 2002 the Yemelyanovskiy District Court, having established that on 24 April 2000 Mr N. had broken into the applicant's country house, had severely beaten the applicant and his daughter and had searched the house, found him guilty of unlawful breaking and entering into a dwelling and gross abuse of position, and sentenced him to three years and six months' imprisonment. The District Court, without supporting its decision by any reasoning, also awarded 25,000 Russian roubles (RUB, approximately 840 euros) in compensation for non-pecuniary damage to be paid to the applicant and his daughter by Mr N. At the same time the District Court instructed the applicant to bring a separate action for compensation for damage caused to his and his daughter's health by Mr N.'s unlawful actions.

20. The applicant appealed, complaining, inter alia, about the unfavourable outcome of the proceedings.

21. On 27 August 2002 the Krasnoyarsk Regional Court, noting that the District Court had not committed any gross violations of the law, upheld the judgment of 6 June 2002. The applicant was present at the appeal hearing.

22. The judgment of 6 June 2002, as upheld on appeal on 27 August 2002, was not enforced in the part concerning compensation for damage, because Mr N. did not have any assets.

3. Tort action against the State authorities

23. On 4 November 2002 the applicant and his daughter lodged an action against the Russian Ministry of Finance, the Krasnoyarsk regional treasury and the Krasnoyarsk regional and Yemelyanovskiy district police departments, seeking compensation for non-pecuniary damage. The applicant argued that the State should bear responsibility for the unlawful actions of its agents, in this case police officer N., who had broken into his house and beaten him and his daughter. He also contended that the compensation awarded to him by the judgment of 6 June 2002 was insufficient and had not even been paid to him.

24. On 3 April 2003 the Sverdlovskiy District Court of Krasnoyarsk dismissed the action, reasoning

as follows:

"Having heard the parties and having studied the case materials, the court makes the following findings.

On 6 June 2002 the Yemelyanovskiy District Court of the Krasnoyarsk Region found Mr N. guilty [of the criminal offences] proscribed by Article 139 § 3 and Article 286 § 3 (a) and (b) of the Russian Criminal Code and sentenced him to three years and six months' imprisonment. [The court] awarded 25,000 roubles in compensation for non-pecuniary damage to [the applicant] (10,000 roubles in his favour and 15,000 roubles to be paid to [his daughter]).

It was established in the court's judgment that on 24 April 2000 Mr N., acting against [the applicant's] will, had entered his dwelling (a country house), where he had fired his gun a number of times. Mr N. had twice hit [the applicant] in the head with the hilt of his gun, causing an abrasion to the applicant's scalp... Mr N. had hit [the applicant's daughter] at least four times in the head with the hilt of his gun, causing a closed craniocerebral injury accompanied by concussion, and four tear-contused wounds...

By virtue of Article 254 of the Russian Code of Civil Procedure an individual has a right to appeal to a court against the actions (inactions) of a State body, a municipal authority or their officials.

According to Article 1069 of the Russian Civil Code damage caused to an individual or a legal entity by the unlawful actions (inactions) of State [and] municipal bodies or their officials... must be compensated. The compensation is to be paid out of the funds of the Treasury of the Russian Federation, the treasury of the constituent element of the Russian Federation or the treasury of the municipal entity respectively.

Article 1069 does not cover the unlawful actions of all employees of a State or municipal body but only those of the officials defined in the annotation to Article 285 of the Russian Criminal Code. Officials are persons who permanently, temporarily or on the basis of a specific authorisation perform functions of public agents or perform managerial, regulatory, administrative or economic functions in State and municipal bodies or State and municipal entities. For liability under Article 1069 of the Russian Civil Code to be invoked the official must have caused the damage in the performance of his duties.

By virtue of Article 49 of the Russian Constitution any person accused of having committed a criminal offence is considered innocent until his guilt is proven according to a federal law and established by a final court judgment.

It was established in the court hearing that after the judgment [of 6 June 2002] had become final, Mr N. was dismissed from [the police service].

By virtue of Article 1070 of the Russian Civil Code damage caused to an individual as a result of his unlawful conviction, the unlawful institution of criminal proceedings against him, his unlawful detention on remand, the unlawful application of a written undertaking not to leave his place of residence or the unlawful imposition of an administrative sanction such as arrest or correctional works should be compensated in full, irrespective of the guilt of the officials of the [police], investigating, prosecuting or judicial authorities, in a procedure established by law and out of the funds of the Treasury of the Russian Federation or, if prescribed by law, the funds of the treasury of the constituent element of the Russian Federation or the municipal entity.

Compensation for damage caused to an individual or a legal entity as a result of the unlawful actions of the [police], investigating or prosecution authorities which did not produce any of the consequences described in paragraph 1 of [Article 1070] should be awarded on the basis of and in line with the procedure established by Article 1069 of [the Russian Civil Code]...

The legal relations between claimants and defendants do not fall within the ambit of Article 1070.

Therefore, [the court] dismisses [the claimant's] claims that the actions (inactions) of the authorities of the Yemelyanovskiy district and Krasnoyarsk regional police departments and the Ministry of the Interior of the Russian Federation were unlawful.

By virtue of Article 151 of the Russian Civil Code a court may order perpetrators to pay monetary compensation for non-pecuniary damage (psychological and physical suffering) to individuals who sustained such damage through actions which violated their personal non-pecuniary rights or otherwise encroached on their non-pecuniary interests, as well as in other cases envisaged by a federal law.

Article 150 of the Russian Civil Code lists life, health, human dignity, personal safety... among those non-pecuniary interests.

No compensation should be awarded for non-pecuniary damage because, by virtue of the judgment of the Yemelyanovskiy District Court of the Krasnoyarsk Region, the applicant was awarded compensation for non-pecuniary damage to be paid by Mr N., the direct tortfeasor.

The present judgment has not established responsibility on the part of any officials in causing damage to [the applicant].

In such circumstances the court considers [the claimant's] claims manifestly ill-founded and dismisses them in full."

25. On 16 July 2003 the Krasnoyarsk Regional Court upheld the District Court's judgment, finding that:

"...in view of the fact that [the applicant] and [his daughter] made use of their right and lodged a claim for compensation for non-pecuniary damage by the direct tortfeasor and that their claims were allowed by the court in the course of the examination of the criminal case; that compensation for non-pecuniary damage constitutes one-off redress; and that dual compensation for non-pecuniary damage caused by the same actions of the person concerned is impossible, the [District] court lawfully dismissed the plaintiffs' claims for compensation for non-pecuniary damage in connection with the unlawful actions of Mr N."

C. Car hijacking in 2001

26. On 2 August 2001 the applicant's car was stolen. On the same day two individuals were arrested and charged with theft. The car was returned to the applicant. On 28 May 2002 the Krasnoyarsk Regional Court, at final instance, found the individuals guilty of the unlawful removal of a car without intent to steal it, acquitted them of a charge of theft and sentenced them to two years' probation.

D. Alleged ill-treatment in 2001

1. Events on 19 December 2001

27. According to the applicant, on 19 December 2001 two police officers, M. and D., stopped him in the street and attempted to carry out a search on his person. The applicant objected and the officers took him to the local police station, where he was beaten up and placed in a temporary detention unit. He was released two hours later without being given any reasons for his arrest.

28. The Government provided a different version of events, insisting that officers M. and D. had taken the applicant to Sverdlovsk district police station in Krasnoyarsk as he had committed an administrative offence proscribed by Article 162 of the RSFSR Code of Administrative Offences. In the station the officer on duty drew up report No. 29384 recording the details of the administrative offence. The report, which was provided to the Court by the Government, consisted of a two-page printed template in which the date, the officer's and applicant's names, the applicant's personal data and a

description of the administrative offence had been filled in by hand. The relevant part reads as follows (the pre-printed part in Roman script and the part written by hand in italics):

"on 19 December 2001, at approximately 10.20 a.m., at a public transport stop... [the applicant] was in an intoxicated state, walked staggering from one side to another and looked untidy, thereby committing an administrative offence proscribed by Article 162 of the Code of Administrative Offences, namely "appearance in a public place in an intoxicated state".

Witnesses, victims _____

[The applicant] was explained to him his rights and duties laid down in Article 247 of the Code of Administrative Offences.

PERPETRATOR'S EXPLANATIONS.

[I] drank 100 grams of vodka.

...

I, [the applicant], have been informed that my case will be examined by the Sverdlovskiy district police department.

Decision taken in the case: in compliance with Article 162 § 1 of the RSFSR Code of Administrative Offences a warning was issued."

29. After his release from the police station on 19 December 2001 the applicant was examined by a doctor in the trauma unit of the local hospital and diagnosed with an injury to the left side of his chest. In the absence of visible traces of an injury, the diagnosis was made by means of palpation of the chest, with the applicant complaining of pain. The doctor called the Sverdlovskiy district police department and reported the applicant's injury, allegedly sustained at the hands of the police officers. The officer on duty recorded the conversation in an information log and assigned it case number 014623.

30. On the same day officer D. filed a one-sentence report indicating that on 19 December 2001 at 9.20 a.m., he and officer M. had arrested the applicant because he had been drunk, had been walking unsteadily and looked untidy.

31. On 19 December 2001 a duty police officer questioned the applicant about the circumstances in which he had sustained his injury. The applicant explained that on the morning of the same day he had been approached by two police officers who had asked him to present identification documents. In response to the applicant's statement that he had no papers, a police officer tried to search him. The applicant objected and was taken to the local police station, where he was searched. After the search one of the officers took him to a cell, where he hit the applicant several times in the chest, accompanying the blows with instructions to learn to communicate with the police properly.

32. On the following day officer M. addressed a written explanation to a higher-ranking officer. The explanation read as follows:

"In response to the questions asked [I] can explain that on 19 December 2001, at approximately 9.20 a.m., when I, a police officer, was on patrol with officer D., we noticed a suspicious man who was dressed untidily (his coat was unbuttoned). Having approached the man, we introduced ourselves and asked him to present identification documents, in response to which [the applicant], ...used offensive language and refused to show [the documents], saying that he did not have time. Subsequently we asked [the applicant] to accompany us to the police station... When we arrived at the station, the man was asked to put sharp objects on a shelf. [The applicant] took out a rusty clinch nail and said that he did not have anything else except for a plastic bag with documents which he needed to take to the Sverdlovskiy District Court. We suggested that he go to a cell for administrative arrestees. He entered the cell. Subsequently,

a record of administrative arrest was drawn up under Article 162 of the Russian Code of Administrative Offences... After that [the applicant] was released."

2. Complaints to a prosecutor's office

33. On 20 December 2001 the applicant requested the Sverdlovskiy district prosecutor to institute criminal proceedings against the police officers, alleging that he had been unlawfully taken to the police station and that he had been searched and beaten up there. The applicant also claimed that no reports had been drawn up concerning his arrest.

34. On 25 December 2001 the Sverdlovskiy district prosecutor re-directed the applicant's complaint to the Sverdlovskiy district police department, requesting an internal inquiry.

35. On 9 January 2002 the head of the police department issued a report, finding as follows:

"On 19 December 2001, at approximately 9 a.m., patrol officers [M. and D.] and police trainee, Ms I., started their shift from [the local police station]. At approximately 10.15 a.m. near a house... officers M. and D. stopped [the applicant], who was in the state of alcohol intoxication, looked untidy, and was walking unsteadily, holding his right hand to his bosom, arousing the officers' suspicion. The police officers brought [the applicant] to the police station as he did not have any identification documents on him. Record [of the arrest] No. 1977 was entered in the arrests registration log in the station. On being signed in [the applicant] was searched in compliance with the requirements of section 11 (2) of the Police Act.

Police officer M. drew up administrative offence record No. 29384 in relation to [the applicant's] offence proscribed by Article 162 of the RSFSR Code of Administrative Offences. On 19 December 2001 a decision was issued on the basis of the case file materials: [the applicant was] warned.

The arrests registration log shows that [the applicant] was released at 11 a.m.

In his complaint [the applicant] contended that the police officers had arrested him without any valid reasons; furthermore, the police officers had unlawfully performed a body search on him. After he was brought to the police station he had been beaten up by a police officer.

Police officers M. and D. explained in their statements that on 19 December 2001 they had arrested [the applicant]; an administrative offence record under Article 162 of the RSFSR Code of Administrative Offences had been drawn up concerning him; no physical force or special measures had been used against [the applicant].

The official internal inquiry did not manage to resolve the discrepancies between the police officers' and [the applicant's] statements."

The materials from the police internal inquiry were sent to the office of the Sverdlovskiy district prosecutor.

36. On 18 January 2002 the prosecutor ordered a graphological analysis of the signature on the report of 19 December 2001 because the applicant claimed that he had not signed any document that day. On 5 February 2002 the Krasnoyarsk town expert bureau submitted an opinion, noting that the data provided insufficient basis for a firm finding to the effect that the applicant had signed the report. However, the experts did not exclude the possibility that the signatures belonged to the applicant.

37. On 18 February 2002 an assistant of the Sverdlovskiy district prosecutor, relying on the results of the internal police inquiry, the graphological expert report and on statements by the applicant, police officers M. and D. and the doctor who had examined the applicant on 19 December 2001, refused to institute criminal proceedings against the police officers, finding no criminal conduct in their actions. In particular, the assistant prosecutor held as follows:

"Thus, the investigation did not establish the elements of a criminal offence... in the actions of police officers M. and D. [The applicant's] arrest and his signing-in at [the local police station] were performed in compliance with the administrative legal norms; an administrative offence report under Article 162 of the RSFSR Code of Administrative Offences was issued in respect of [the applicant]. On 19 December 2001 it was decided to take administrative action against [the applicant] in the form of a warning. For conduct to form the corpus delicti of an offence proscribed by Article 286 of the Russian Criminal Code an official must have committed acts which no one in any circumstances may commit (injuring an individual without any reason). However, it was impossible to reliably establish that [the applicant] had sustained an injury because his diagnosis was called into question and was not monitored in time. No forensic medical expert examination was performed in respect of those injuries."

38. The applicant appealed to the Sverdlovskiy District Court, complaining, inter alia, that his arrest on 19 December 2001 and his charging with an administrative offence had been unlawful. He insisted that he had only learned about the administrative charges from the assistant prosecutor's decision.

39. On 11 July 2002 the District Court quashed the decision of 18 February 2002 and authorised the prosecution authorities to perform an additional investigation. In particular, it stressed that the investigating authorities should question the police trainee, Ms I., about the circumstances surrounding the applicant's arrest and the doctor from the trauma unit about the applicant's alleged state of alcohol intoxication. The District Court also observed that the applicant should lodge a separate complaint concerning the administrative arrest.

40. No appeal was lodged against the decision of 11 July 2002 and it became final. The applicant did not complain of the alleged unlawfulness of his administrative arrest in separate proceedings.

41. On 20 September 2002 a Sverdlovskiy deputy district prosecutor closed the investigation, finding no prima facie case to be answered. The decision incorporated the text of the decision issued on 18 February 2002 together with additional paragraphs which read as follows:

"In the course of the additional investigation the acting head of the trauma unit of Sverdlovsk District, Mr B., was questioned; [he] explained that when a person is admitted to the trauma unit in a state of intoxication, a record in "a criminal registry" log is made stating that the person is in a state of alcohol intoxication. In [the applicant's] case no such record was made; that is why he cannot describe the state in which the applicant had been.

A police officer from the patrol division of the Sverdlovsk district police department, Ms I., when questioned in the course of the additional investigation, explained that in December 2001 she had been a trainee. On 19 December 2001 she was in a patrol unit... together with police officers M. and D. Between 9.30 a.m. and midday, [the applicant] was brought in; [he] behaved inappropriately and was dressed untidily. The man was placed in a cell for administrative arrestees and an administrative offence record under Article 162 of the RSFSR Code of Administrative Offences was drawn up in respect of his conduct. [The applicant] signed the record."

42. In response to the applicant's complaints about the prosecution authorities' failure to investigate his ill-treatment complaints thoroughly, on 14 November 2002 the Krasnoyarsk Regional Court, at final instance, upheld the decision of 20 September 2002, finding that the deputy prosecutor had thoroughly assessed the evidence and had drawn the correct conclusions.

43. On 30 January 2003 the Krasnoyarsk first deputy regional prosecutor quashed the decision of 20 September 2002, finding that the investigation was incomplete and the decision premature. He ordered a new round of investigations, setting out a list of steps to be taken, including the identification of individuals who might have seen the applicant in the police station. The first deputy also noted a number of inconsistencies in the police officers' statements regarding, among other aspects, the time of the arrest, the applicant's state of intoxication and the absence of identification documents.

44. On 18 March 2003 a deputy prosecutor of the Sverdlovskiy District dismissed the applicant's ill-treatment complaint as manifestly ill-founded. The decision repeated the wording of the previous two decisions refusing the institution of criminal proceedings against the police officers. In addition, a deputy prosecutor cited statements given by police officers M., D. and I. during the additional investigation. Owing to the remoteness of the events the three police officers were unable to recall the exact time when they had arrested the applicant. The deputy prosecutor also pointed out that the samples of the police officers' handwriting did not allow a forensic expert to make a conclusive finding as to the authorship of the signatures on the record of the applicant's arrest. The final paragraph of the decision read as follows:

"Thus, the investigation did not establish any criminal conduct... [in the police officers' D., M., and I.] actions. [The applicant's] arrest and his signing-in at the [local police station] were performed in accordance with the administrative law in force at the material time; an administrative offence record was drawn up in respect of [the applicant]; he appealed against it in accordance with the procedure established by law. On 19 December 2001 [the applicant] was found guilty of [an administrative offence] and a warning was issued. For conduct to form the corpus delicti of an offence under Article 286 of the Russian Criminal Code an official must have committed acts which no one in any circumstances may commit. By virtue of sections 10 [and] 11 of the Police Act, police officers must put an end to and prevent the commission of administrative offences, [must] check individuals' identification documents if there are grounds to suspect them of having committed an administrative offence, [must] perform searches on individuals and their personal belongings; and [must] perform administrative arrests and draw up records of administrative actions. According to the Statutes of the Russian Federation Police Officers Patrol Service, patrol units must ensure public safety and preserve public order on their rounds, at their duty points and in the adjacent areas; [they] must prevent and put an end to administrative offences... Mr M. and Mr D. gave statements during the investigation explaining that they had checked [the applicant's] documents because [the applicant] was suspected of having committed an administrative offence."

45. On 16 September 2003 the Krasnoyarsk Regional Court, acting at final instance, dismissed the applicant's complaint against the decision of 18 March 2003, concluding that the deputy prosecutor's findings were correct.

3. Proceedings against officials of the Krasnoyarsk regional prosecutor's office

46. On 18 February 2002 the applicant complained before the courts that officials from the Krasnoyarsk regional prosecutor's office had not examined his complaints properly and had also intercepted his complaints to the Prosecutor General of the Russian Federation. On 17 April 2002 the Krasnoyarsk Regional Court disallowed the claim because the applicant had failed to comply with the procedural requirements for lodging such a complaint.

4. Tort action

47. The applicant brought an action before the Sverdlovskiy District Court against the Russian Ministry of Finance, the Ministry of the Interior, officials of the Krasnoyarsk regional and Sverdlovsk district prosecutors' offices and the Sverdlovskiy district police department. He sought compensation for damage caused by the police officers on 19 December 2001 on account of his arrest, ill-treatment and search and the forgery of administrative records concerning him.

48. On 26 December 2003 the Sverdlovskiy District Court dismissed the applicant's action, relying on the deputy prosecutor's decision of 18 March 2003 and citing Articles 151, 1064 and 1070 of the Russian Civil Code. The reasoning of the District Court read as follows:

"Taking into account the circumstances established and having regard to the legal norms cited, the court does not see any ground to allow the action as it is unsubstantiated; [the applicant] did not provide the court with any evidence showing that he had sustained damage as a result of unlawful actions on the

part of the police officers and prosecution authorities. At the same time, the lawfulness of the police officers' and prosecution authorities' actions... was thoroughly looked into on a number of occasions and was confirmed by the decision of 17 July 2003 of the Sverdlovsk District Court of Krasnoyarsk, as upheld on appeal by the Krasnoyarsk Regional Court on 16 September 2003.

[The applicant's] allegations that he sustained non-pecuniary damage as a result of unlawful actions on the part of the police officers and prosecution authorities are manifestly ill-founded having regard to the grounds which [the court took into account] in dismissing the action."

II. Relevant domestic law

A. Criminal-law remedies against illegal acts of public officials Investigation of criminal offences

49. Article 117 § 2 (f) of the Criminal Code of the Russian Federation makes acts of torture punishable by up to seven years' imprisonment. Under Article 286 § 3 (a) and (c) abuse of an official position associated with the use of violence or entailing serious consequences carries a punishment of up to ten years' imprisonment.

50. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (in force since 1 July 2002, "the CCrP") provides that a criminal investigation may be initiated by an investigator or a prosecutor following a complaint by an individual or on the investigative authorities' own initiative, where there are reasons to believe that a crime has been committed (Articles 146 and 147). A prosecutor is responsible for overall supervision of the investigation (Article 37). He can order specific investigative actions, transfer the case from one investigator to another or order an additional investigation. If there are no grounds to initiate a criminal investigation, the prosecutor or investigator issues a reasoned decision to that effect, which has to be notified to the interested party. The decision is amenable to appeal to a higher-ranking prosecutor or to a court of general jurisdiction under a procedure established by Article 125 of the CCrP (Article 148). Article 125 of the CCrP provides for judicial review of decisions by investigators and prosecutors that might infringe the constitutional rights of the participants in proceedings or prevent access to a court.

B. Civil-law remedies against illegal acts by public officials

51. The relevant provisions of the Civil Code of the Russian Federation (of 30 November 1994) read as follows:

Article 150. Incorporeal assets

"1. An individual's life and health, dignity, personal integrity, honour and goodwill, professional reputation, the inviolability of his or her private life, personal and family secrets, the right to liberty of movement and to choose his or her place of temporary and permanent residence, the right to a name, copyright, other personal non-property rights and other incorporeal assets which a person possesses by virtue of birth or by operation of law shall be inalienable and shall not be transferable by any means..."

Article 151. Compensation for non-pecuniary damage

"If certain actions impairing an individual's personal non-property rights or encroaching on other incorporeal assets have caused him or her non-pecuniary damage (physical or mental suffering)... the court may require the perpetrator to pay pecuniary compensation for that damage..."

52. Article 1064 § 1 of the Civil Code of the Russian Federation provides that damage caused to the person or property of a citizen must be compensated for in full by the tortfeasor. Under Article 1069, a State agency or a State official whose unlawful actions or failure to act cause damage to an individual will incur liability. Such damage is to be compensated for at the expense of the federal or regional treasury.

Articles 1099 - 1101 of the Civil Code provide for compensation for non-pecuniary damage. Article 1099 states, in particular, that compensation must be awarded for non-pecuniary damage irrespective of any award for pecuniary damage.

THE LAW

I. Alleged violation of Article 13 of the Convention

53. The applicant, invoking Article 13 of the Convention, complained that the domestic courts' refusal to award him sufficient compensation for the damage caused by police officer N. had deprived him of an effective remedy in respect of his complaint of ill-treatment. Article 13 reads as follows:

"Everyone whose rights and freedoms as set forth in [the] Convention are violated shall have an effective remedy before a national authority notwithstanding that the violation has been committed by persons acting in an official capacity."

A. Submissions by the parties

54. The Government submitted that the applicant's right guaranteed by Article 13 of the Convention had been fully respected as police officer Mr N., who had broken into the applicant's house and had beaten him and his daughter up, had been convicted and sentenced to imprisonment. In addition, compensation of RUB 25,000 had been awarded to the applicant and his daughter. The Government stressed that the applicant's tort action against State bodies, including the Yemelyanovskiy district police department which had employed officer N., had lacked any legal basis as "dual compensation for non-pecuniary damage caused by the same actions of the person concerned [was] impossible".

55. The applicant averred that when the domestic courts awarded insufficient compensation for damage caused by the unlawful actions of a State official and when such compensation was not even paid, the State should bear subsidiary liability and should provide compensation for the damage caused by the actions of its agent. However, in his case the domestic courts had unlawfully refused to take into account the particular circumstances: the insufficiency of the compensation, his inability to obtain it and the responsibility of the State to provide effective protection of rights and to remedy violations of those rights, particularly when they had been perpetrated by State agents.

B. The Court's assessment

1. Admissibility

56. Before examining, if necessary, whether the applicant had at his disposal an effective remedy by which to complain about the ill-treatment he had sustained at the hands of the police on 24 April 2000, the Court needs to assess whether Article 13 of the Convention is in fact applicable, taking into account the fact that the Court has not been called upon to address a violation of the applicant's right guaranteed by Article 3 of the Convention.

57. In this connection the Court reiterates its finding in the case of *Klass and Others v. Germany* (6 September 1978, §§ 63 - 64, Series A No. 28), which read as follows:

"...Article 13 states that any individual whose Convention rights and freedoms "are violated" is to have an effective remedy before a national authority even where "the violation has been committed" by persons in an official capacity. This provision, read literally, seems to say that a person is entitled to a national remedy only if a "violation" has occurred. However, a person cannot establish a "violation" before a national authority unless he is first able to lodge with such an authority a complaint to that effect. Consequently,it cannot be a prerequisite for the application of Article 13 that the Convention be in fact violated. In the Court's view, Article 13 requires that where an individual considers himself to have been

prejudiced by a measure allegedly in breach of the Convention, he should have a remedy before a national authority in order both to have his claim decided and, if appropriate, to obtain redress. Thus Article 13 must be interpreted as guaranteeing an "effective remedy before a national authority" to everyone who claims that his rights and freedoms under the Convention have been violated."

58. The Court has since translated its finding in *Klass* (cited above) into the notion that a person with an "arguable claim" of being the victim of a violation of a right enshrined in the Convention should be able to seek a remedy (see, for example, *Silver and Others v. the United Kingdom*, 25 March 1983, § 113, Series A No. 61). Ever since, Article 13 has been consistently interpreted by the Court as requiring a remedy in domestic law only in respect of grievances which can be regarded as "arguable" in terms of the Convention (see *Hatton and Others v. the United Kingdom* [GC], No. 36022/97, § 137, ECHR 2003-VIII).

59. Turning to the circumstances of the present case, the Court observes that the parties did not dispute that on 24 April 2000 the applicant had been subjected to treatment contrary to Article 3 of the Convention. The domestic authorities conducted a criminal investigation into the applicant's grievances and found former police officer N. guilty of gross abuse of position in that he had broken into the applicant's house and had assaulted him and his daughter, causing them serious injury (see paragraph 19 above). The fact that the applicant's allegations of ill-treatment were ultimately substantiated makes his claim an "arguable" one for the purposes of Article 13 of the Convention (see *Kaya v. Turkey*, 19 February 1998, § 107, Reports of Judgments and Decisions 1998-I, and *Chahal v. the United Kingdom*, 15 November 1996, § 147, Reports 1996-V).

60. The Court does not however lose sight of the fact that the criminal investigation into the applicant's ill-treatment complaints, the promptness and efficiency of which the applicant did not dispute, resulted in the criminal conviction and sentencing of the perpetrator. At the same time, relying on Article 13 of the Convention, the applicant argued that he had been unable to obtain sufficient compensation for the damage resulting from the inhuman treatment inflicted by a State agent. In this regard the Court reiterates that the nature of the right guaranteed by Article 3 of the Convention, being one of the most fundamental in the scheme of the Convention, has implications for the nature of the remedies which must be guaranteed to the applicant. In particular, the Court has already held on a number of occasions that where the applicant has an arguable claim that he was ill-treated by agents of the State, the notion of an effective remedy for the purposes of Article 13 entails the payment of compensation where appropriate, in addition to a thorough and effective investigation capable of leading to the identification and punishment of those responsible (see *Aksoy v. Turkey*, 18 December 1996, § 98, Reports 1996-VI, and *{Aydin} v. Turkey*, 25 September 1997, § 103, Reports 1997-VI). Seen in these terms the requirements of Article 13 are broader than a Contracting State's procedural obligation under Article 3 to conduct an effective investigation (see *Ergi v. Turkey*, 28 July 1998, § 98, Reports 1998-IV, and, *mutatis mutandis*, *Kaya*, cited above, § 107).

61. Accordingly, it falls to be ascertained whether, apart from benefiting from an effective and prompt investigation into his Article 3 complaints, the applicant was also afforded "an effective remedy before a national authority" within the meaning of Article 13 of the Convention. The Court therefore finds that this complaint is not manifestly ill-founded within the meaning of Article 35 § 3 of the Convention and that it is not inadmissible on any other grounds. It must therefore be declared admissible.

2. Merits

62. The Court reiterates that Article 13 of the Convention guarantees the availability at the national level of a remedy to enforce the substance of the Convention rights and freedoms in whatever form they might happen to be secured in the domestic legal order. The effect of Article 13 is thus to require the provision of a domestic remedy to deal with the substance of the relevant Convention complaint and to grant appropriate relief, although Contracting States are afforded some discretion as to the manner in which they conform to their Convention obligations under this provision. The Court has already noted that the scope of the obligation under Article 13 varies depending on the nature of the applicant's

complaint under the Convention. Nevertheless, the remedy required by Article 13 must be "effective" in practice as well as in law, in particular in the sense that its exercise must not be unjustifiably hindered by the acts or the omissions of the authorities of the respondent State (see *Aksoy*, cited above, § 95, and *{Mentes} and Others v. Turkey*, 28 November 1997, § 89, Reports 1997-VIII). The Court further considers that, where an arguable breach of one or more of the rights under the Convention is in issue, there should be available to the victim a mechanism for establishing any liability of State officials or bodies for that breach (see *T.P. and K.M. v. the United Kingdom [GC]*, No. 28945/95, § 107, ECHR 2001-V (extracts)). Furthermore, in the case of a breach of Articles 2 and 3 of the Convention, compensation for the pecuniary and non-pecuniary damage flowing from the breach should in principle be available as part of the range of redress (see *Z and Others v. the United Kingdom [GC]*, No. 29392/95, § 109, ECHR 2001-V).

63. Turning to the circumstances of the present case the Court observes, and it was not in dispute between the parties, that the applicant sustained serious injuries resulting from police officer N.'s conduct. The effective investigation into the applicant's ill-treatment complaints alone could not redress the physical and psychological damage flowing from the direct and deliberate invasion of the applicant's bodily integrity and therefore represented only one part of the group of measures necessary to provide redress for the ill-treatment by the State agent (see *Vladimir Romanov v. Russia*, No. 41461/02, § 79, 24 July 2008). The applicant submitted that he had attempted to obtain redress for the ill-treatment suffered by bringing two tort actions. However, he argued that the remedy was not sufficiently effective to comply with Article 13 of the Convention, as it did not provide adequate redress. It is apparent from the above that the Court must examine whether the judicial avenue for obtaining compensation for the damage sustained by the applicant represented an effective, adequate and accessible remedy capable of satisfying the requirements of Article 13 of the Convention.

64. The Court reiterates that the applicant introduced an action in the course of the criminal proceedings against the police officer N., seeking compensation for damage resulting from the latter's unlawful conduct. The domestic courts partly allowed the action, awarding the applicant RUB 10,000 in compensation for non-pecuniary damage, and instructed him to bring a separate action for compensation in respect of the injuries suffered to his person (see paragraph 19 above). The award was never enforced as Mr N. did not have the requisite funds. Subsequently, the applicant brought an action against a number of State agencies, including the Yemelyanovskiy district police department which had employed officer N., arguing that the amount of compensation awarded was inadequate and had not in fact been paid to him. He further argued that the courts should hold the State accountable and punish it for the outrageous conduct of its agent, in order to act as a deterrent to future offences, and should thus award him sufficient compensation for the injuries suffered. On 3 April 2003 the Sverdlovskiy District Court dismissed the action, holding that the situation in which the applicant had found himself was not covered by the legal provisions abrogating the State's immunity from tort liability and establishing the conditions for suits and claims against the State for damage caused by unlawful acts or omissions of its agencies and officials. In addition, the District Court found that the applicant had already made use of his right to obtain redress by successfully introducing the tort action against the direct tortfeasor, Mr N. (see paragraph 24 above). On 16 July 2003 the Krasnodar Regional Court, having examined the applicant's appeal, confirmed the overall correctness of the District Court's decision to dismiss the action. However, the Regional Court amended the District Court's reasoning by setting aside its conclusion as to the inapplicability of the legal provisions on the State's liability, while endorsing the finding that the applicant had already benefited from the right to claim reparation of the damage from the perpetrator of the injury (see paragraph 25 above).

65. The Court observes that Russian law undoubtedly afforded the applicant the possibility of bringing judicial proceedings to claim compensation for the damage suffered as a result of his ill-treatment. The Court reiterates that the applicant availed himself of that possibility by bringing an action against the direct tortfeasor (see paragraph 19 above) and subsequently by bringing a claim against various State agencies seeking compensation for the damage he had sustained on account of the ill-treatment (see paragraph 23 above). The domestic courts awarded him RUB 10,000 in compensation for non-pecuniary damage to be paid by Mr N. The applicant's dissatisfaction with the amount of the award

does not in itself demonstrate that a tort action was an ineffective remedy for airing such complaints. In this connection the Court notes that the "effectiveness" of a "remedy" within the meaning of Article 13 does not depend on the certainty of a favourable outcome for the applicant. Nor does the "authority" referred to in that provision necessarily have to be a judicial authority; but if it is not, its powers and the guarantees which it affords are relevant in determining whether the remedy before it is effective. Also, even if a single remedy does not by itself entirely satisfy the requirements of Article 13, the aggregate of remedies provided for under domestic law may do so (see {Conka} v. Belgium, No. 51564/99, § 75, ECHR 2002-I).

66. At the same time the Court does not lose sight of the applicant's argument pertaining to the unenforceability of the judicial award. In this connection it is worth noting that the requirements of Article 13 take the form of a guarantee and not of a mere statement of intent or a practical arrangement. That is one of the consequences of the rule of law, one of the fundamental principles of a democratic society, which is inherent in all the Articles of the Convention (see {Conka}, cited above, § 83). The Court reiterates that the enforceability of awards is among the requirements of Article 13 (see T.P. and K.M., cited above, § 109). While acknowledgment of the wrong done might bring some degree of redress and satisfaction, if the redress measures are never implemented it cannot be said that the applicant concerned has obtained redress beyond a "paper" judgment.

67. It appears that the Russian courts are not required to give even minimal consideration to the issue of the possible enforcement of the judicial award they make against a private tortfeasor. Ultimately, a successful plaintiff has no possibility of foreseeing whether he will, in fact, receive the judicial award made in his favour. However, the Court is mindful of the fact that in the sphere of enforcement of judgments of a civil character the State's positive obligation under the Convention is limited to organising a system for enforcement of judgments which is effective both in law and in practice, and ensuring their enforcement without undue delay (see Sanglier v. France, No. 50342/99, § 39, 27 May 2003, and Fuklev v. Ukraine, No. 71186/01, § 84, 7 June 2005). Only when the authorities are obliged to act in order to enforce a judgment and they fail to do so can their inactivity engage the State's responsibility under the Convention (see Scollo v. Italy, 28 September 1995, § 44, Series A No. 315-C).

68. The Court observes that the applicant did not argue that the Russian internal legal order was not capable of guaranteeing the execution of the judgment given in his case or that the State - as the holder of public authority - did not act diligently in order to assist the applicant in securing execution of the judgment award against Mr N. The Court notes that the judgment of 6 June 2002 awarding the applicant damages to be paid by Mr N., as upheld on appeal on 27 August 2002, was final and binding, thus complying with the requirement of enforceability laid down by Article 13 of the Convention.

69. Furthermore, continuing with the applicant's argument as to the unenforceability of the award, the Court is mindful of the choice of remedies which were open to the applicant. Quite apart from the criminal proceedings to which he was a civil party, the applicant had the right to seek damages from the State, by either lodging a tort action in parallel with the criminal investigation against Mr N., although not within the criminal proceedings themselves, or by bringing such an action after the criminal proceedings were completed (see paragraph 52 above). There was nothing to stop the applicant bringing such an action at the appropriate moment and arguing that the State should be held liable for Mr N.'s actions and should pay compensation for the injury sustained. The Court is of the opinion that, had the applicant chosen that avenue instead of introducing an action against Mr N. within the criminal case, he could have excluded the risk of obtaining an award against an insolvent defendant. However, the applicant made the legal choice of introducing the action against Mr N. and should therefore bear the legal consequences, including the defendant's insolvency and the loss of standing to sue the State.

70. In sum, the Court concludes that the facts of the present case disclose no violation of Article 13 of the Convention.

71. The applicant complained that on 19 December 2001 the police had subjected him to treatment incompatible with Article 3 of the Convention and that the authorities had not carried out an effective investigation into the incident. The Court will examine this complaint from the standpoint of the State's obligations under Article 3, which reads as follows:

"No one shall be subjected to torture or to inhuman or degrading treatment or punishment."

A. Submissions by the parties

72. The Government, disputing the applicant's version of the events of 19 December 2001, submitted that there had been no objective evidence confirming the applicant's allegations. The investigating authorities had looked into the events in question thoroughly and dismissed the applicant's complaints, finding no case to be answered. In addition, the domestic courts at two levels of jurisdiction had examined his claims and also considered them manifestly ill-founded.

73. The applicant argued that he had obtained a medical certificate showing that he had been hit at least twice in the chest by the police officer. The investigators' reluctance to conduct a thorough investigation into the events had given the police officers time to come up with an explanation for their actions pertaining to his arrest, detention for two hours in the police station and ill-treatment.

B. The Court's assessment

1. Admissibility

74. The Court notes that this complaint is not manifestly ill-founded within the meaning of Article 35 § 3 of the Convention and that it is not inadmissible on any other grounds. It must therefore be declared admissible.

2. Merits

(a) General principles

(i) As to the scope of Article 3

75. As the Court has stated on many occasions, Article 3 enshrines one of the most fundamental values of democratic societies. Even in the most difficult circumstances, such as the fight against terrorism and organised crime, the Convention prohibits in absolute terms torture and inhuman or degrading treatment or punishment, irrespective of the victim's conduct (see *Labita v. Italy* [GC], No. 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV, and *Chahal v. the United Kingdom*, 15 November 1996, § 79, Reports 1996-V). Article 3 makes no provision for exceptions and no derogation from it is permissible under Article 15 § 2 of the Convention even in the event of a public emergency threatening the life of the nation (see *Selmouni v. France* [GC], No. 25803/94, § 95, ECHR 1999-V, and *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 October 1998, § 93, Reports 1998-VIII).

76. The Court has consistently stressed that the suffering and humiliation involved must in any event go beyond that inevitable element of suffering or humiliation connected with a given form of legitimate treatment or punishment. Measures depriving a person of his liberty may often involve such an element. In accordance with Article 3 of the Convention the State must ensure that a person is detained under conditions which are compatible with respect for his human dignity and that the manner and method of the execution of the measure do not subject him to distress or hardship exceeding the unavoidable level of suffering inherent in detention (see *Kudla v. Poland* [GC], No. 30210/96, §§ 92 - 94, ECHR 2000-XI).

77. In the context of detainees, the Court has emphasised that persons in custody are in a vulnerable position and that the authorities are under a duty to protect their physical well-being (see *Tariyeva v.*

Russia, No. 4353/03, § 73, ECHR 2006-XV (extracts); Sarban v. Moldova, No. 3456/05, § 77, 4 October 2005; and Mouisel v. France, No. 67263/01, § 40, ECHR 2002-IX). In respect of a person deprived of his liberty, any recourse to physical force which has not been made strictly necessary by his own conduct diminishes human dignity and is in principle an infringement of the right set forth in Article 3 of the Convention (see Sheydayev v. Russia, No. 65859/01, § 59, 7 December 2006; Ribitsch v. Austria, 4 December 1995, § 38, Series A No. 336; and Krastanov v. Bulgaria, No. 50222/99, § 53, 30 September 2004).

(ii) As to the establishment of the facts

78. The Court reiterates that allegations of ill-treatment must be supported by appropriate evidence. In assessing evidence, the Court has generally applied the standard of proof "beyond reasonable doubt" (see Ireland v. the United Kingdom, 18 January 1978, § 161, Series A No. 25). However, such proof may follow from the coexistence of sufficiently strong, clear and concordant inferences or of similar unrebutted presumptions of fact. Where the events in issue lie wholly, or in large part, within the exclusive knowledge of the authorities, as in the case of persons within their control in custody, strong presumptions of fact will arise in respect of injuries occurring during such detention. Indeed, the burden of proof may be regarded as resting on the authorities to provide a satisfactory and convincing explanation (see Salman v. Turkey [GC], No. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

79. Where domestic proceedings have taken place, it is not the Court's task to substitute its own assessment of the facts for that of the domestic courts and, as a general rule, it is for those courts to assess the evidence before them (see Klaas, cited above, § 29). Although the Court is not bound by the findings of the domestic courts, in normal circumstances it requires cogent elements to lead it to depart from the findings of fact reached by those courts (see Matko v. Slovenia, No. 43393/98, § 100, 2 November 2006). Where allegations are made under Article 3 of the Convention, however, the Court must apply a particularly thorough scrutiny (see, *mutatis mutandis*, Ribitsch, cited above, § 32).

(b) Application of the above principles in the present case

(i) Alleged ill-treatment by the police

80. Having examined the parties' submissions and all the material presented by them, the Court finds it established that on 19 December 2001 the applicant was arrested and brought to Sverdlovskiy district police station. He was released two hours later. Immediately after his release the applicant reported to the local trauma unit, alleging that a police officer had beaten him up. A medical examination in the unit resulted in his being diagnosed with an injury to the left side of his chest (see paragraph 29 above). The diagnosis was made on the basis of the applicant's complaints that he experienced pain during the palpation of his chest. The doctor did not record any visible traces of injury. No further tests were performed and no treatment was administered.

81. The Court notes the inconclusive character of the applicant's injury, which was consistently called into question by the examining doctor in the course of the criminal investigation. It is also mindful of the fact that the initial diagnosis was not backed up by any subsequent medical findings, with the history of development of the injury not being recorded since the applicant did not request further medical examinations or assistance. In addition, there was no other evidence of ill-treatment, such as testimony by an independent witness.

82. It follows that the material in the case file does not provide an evidentiary basis sufficient to enable the Court to find "beyond reasonable doubt" that the applicant was subjected to the alleged ill-treatment on 19 December 2001 (see, for similar reasoning, Gusev v. Russia (dec.), No. 67542/01, 9 November 2006, and, most recently, Toporkov v. Russia, No. 66688/01, §§ 43 - 45, 1 October 2009). Accordingly, the Court cannot but conclude that there has been no violation of Article 3 of the Convention under its substantive limb.

(ii) Alleged inadequacy of the investigation

83. The Court reiterates that where an individual raises an arguable claim that he has been seriously ill-treated in breach of Article 3, that provision, read in conjunction with the State's general duty under Article 1 of the Convention to "secure to everyone within their jurisdiction the rights and freedoms defined in... [the] Convention", requires by implication that there should be an effective official investigation. An obligation to investigate "is not an obligation of result, but of means": not every investigation should necessarily be successful or come to a conclusion which coincides with the claimant's account of events; however, it should in principle be capable of leading to the establishment of the facts of the case and, if the allegations prove to be true, to the identification and punishment of those responsible. Thus, the investigation of serious allegations of ill-treatment must be thorough. That means that the authorities must always make a serious attempt to find out what happened and should not rely on hasty or ill-founded conclusions to close their investigation or as the basis of their decisions. They must take all reasonable steps available to them to secure the evidence concerning the incident, including, inter alia, eyewitness testimony, forensic evidence, and so on. Any deficiency in the investigation which undermines its ability to establish the cause of injuries or the identity of the persons responsible will risk falling foul of this standard (see, among many authorities, *Mikheyev*, cited above, §§ 107 et seq., and *Assenov and Others*, cited above, §§ 102 et seq.).

84. Turning to the circumstances of the present case, the Court observes that on 20 December 2001, the day following the alleged ill-treatment, the applicant complained to the Sverdlovskiy district prosecutor. The matter was hence duly brought before the competent authorities at a time when they could reasonably have been expected to investigate the circumstances in question. The applicant's allegations, which were detailed and consistent throughout the domestic proceedings and before this Court, were, at least to some extent, corroborated by a medical certificate recording an injury to the left side of his chest. The Court is also mindful of the fact that at the material time the doctor found the applicant's allegations of ill-treatment plausible enough to report the injury to the Sverdlovsk regional police department (see paragraph 29 above). The applicant's claim, as submitted in December 2001, was therefore shown to be "arguable" and the domestic authorities were placed under an obligation to carry out "a thorough and effective investigation capable of leading to the identification and punishment of those responsible" (see, for similar reasoning, *Egmez v. Cyprus*, No. 30873/96, § 66, ECHR 2000-XII; *Ahmet {Ozkan} and Others v. Turkey*, No. 21689/93, §§ 358 and 359, 6 April 2004; and, most recently, *Generalov v. Russia*, No. 24325/03, § 139, 9 July 2009).

85. In this connection the Court notes that the prosecution authorities, who were made aware of the applicant's beating, carried out a preliminary investigation which did not result in criminal prosecution. The applicant's ill-treatment complaints were also the subject of examination by the domestic courts at two levels of jurisdiction. In the Court's opinion, the issue is consequently not so much whether there was an investigation, since the parties did not dispute that there was one, but whether it was conducted diligently, whether the authorities were determined to identify and prosecute those responsible and, accordingly, whether the investigation was "effective".

86. The Court reiterates that the applicant was entirely reliant on the prosecutor to gather the evidence necessary to corroborate his complaint. The prosecutor had the legal power to interview the police officers, summon witnesses, visit the scene of the incident, collect forensic evidence and take all other crucial steps for the purpose of establishing the truth of the applicant's account. His role was critical not only to the pursuit of criminal proceedings against the possible perpetrators of the offences but also to the pursuit by the applicant of other remedies to redress the harm he had suffered (see paragraph 50 above).

87. The Court will therefore first assess the promptness of the prosecutor's investigation, viewed as a gauge of the authorities' determination to identify and, if need be, prosecute those responsible for the applicant's ill-treatment (see *Selmouni v. France* [GC], No. 25803/94, §§ 78 and 79, ECHR 1999-V). In the present case the applicant brought his allegations of ill-treatment to the attention of the authorities by making a complaint to the Sverdlovskiy district prosecutor (see paragraph 33 above). The prosecutor did

not launch an investigation after being notified of the alleged beatings. Instead he remitted the applicant's complaint to the Sverdlovskiy district police department, a State authority whose employees were implicated in the events which were to be looked into, with an order to conduct an official police inquiry (see paragraph 34 above). While the Court acknowledges the necessity of internal inquiries by the police with a view to possible disciplinary sanctions in cases of alleged police abuse, it finds it striking that in the present case the initial investigative steps, which usually prove to be crucial for the establishment of the truth in cases of police brutality, were conducted by the police force itself (see, for similar reasoning, *Vladimir Fedorov v. Russia*, No. 19223/04, § 69, 30 July 2009). In this connection the Court reiterates its finding made on a number of occasions that the investigation should be carried out by competent, qualified and impartial experts who are independent of the suspected perpetrators and the agency they serve (see *Ramsahai and Others v. the Netherlands [GC]*, No. 52391/99, § 325, ECHR 2007-..., and *{Ogur} v. Turkey [GC]*, No. 21594/93, §§ 91 - 92, ECHR 1999-III). Furthermore, although the thoroughness of the investigation into the applicant's ill-treatment complaints will be examined below, the Court would already stress at this juncture that it is not convinced that, despite relying on the police officers' statements in the decision of 18 February 2002, the assistant prosecutor had heard evidence from them in person. It appears that he merely recounted the officers' statements made during the internal inquiry. The Court, however, is mindful of the important role which investigative interviews play in obtaining accurate and reliable information from suspects, witnesses and victims and, in the end, the discovery of the truth about the matter under investigation. Observing the suspects', witnesses' and victims' demeanour during questioning and assessing the probative value of their testimony forms a substantial part of the investigative process.

88. Furthermore, the Court is mindful of the fact that at no point during the investigation were attempts made to conduct a medical expert examination of the applicant. The Court reiterates in this connection that proper medical examinations are an essential safeguard against ill-treatment. The forensic doctor must enjoy formal and de facto independence, have been provided with specialised training and been allocated a mandate which is broad in scope (see *{Akkoc} v. Turkey*, Nos. 22947/93 and 22948/93, §§ 55 and 118, ECHR 2000-X). The Court observes that an expeditious expert medical examination of the applicant was particularly crucial in the circumstances of the present case in the absence of conclusive medical evidence of the physical violence alleged by the applicant. In addition, having regard to the psychological effects which physical violence usually produces, the Court considers that evidence of psychological symptoms or trauma could also have been collected and assessed. A combination of physical and psychological evidence could, accordingly, have been used to corroborate or disprove the applicant's allegations. In this connection the Court notes with concern that the lack of objective evidence - such as medical expert examinations could have provided - was subsequently relied on as a ground for refusing to institute criminal proceedings against the police officers.

89. With regard to the thoroughness of the investigation, the Court further notes a number of significant omissions capable of undermining its reliability and effectiveness. Firstly, the Court observes that there was a selective and somewhat inconsistent approach to the assessment of evidence by the investigating authorities. Although excerpts from the applicant's testimony were included in the decision not to institute criminal proceedings, the prosecution authorities did not consider that testimony to be credible, apparently because it reflected a personal opinion and constituted an accusatory tactic by the applicant. However, the investigator did regard the police officers' testimonies as credible, despite the fact that their statements could have constituted defence tactics and have been aimed at damaging the applicant's credibility. In the Court's view, the prosecution investigation applied different standards when assessing the testimonies, as that given by the applicant was deemed to be subjective but not those given by the police officers. The credibility of the latter testimonies should also have been questioned, as the prosecution investigation was supposed to establish whether the officers were liable on the basis of disciplinary or criminal charges (see *Ognyanova and Choban v. Bulgaria*, No. 46317/99, § 99, 23 February 2006).

90. Secondly, the Court finds it striking that despite the direct order from a higher-ranking prosecutor (see paragraph 43 above), the investigator did not identify any witnesses who were not police

or medical personnel. While the investigating authorities may not have been provided with the names of individuals who might have seen the applicant at the police station or might have witnessed his alleged beating, they were expected to take steps on their own initiative to identify possible eyewitnesses. Furthermore, the Court considers it odd that it took the investigator almost a year to question the former police trainee, Ms I. (see paragraph 41 above). By the time of the first interview in September 2002 Ms I. was already a serving police officer within a system which requires loyalty and submission to certain constraints. The Court considers that the change in Ms I.'s status could have influenced the content of the statements she made.

91. In any event, the Court is under the impression that the primary focus of the investigation into the applicant's complaints was not the instance of alleged ill-treatment. Instead the authorities concentrated on finding an explanation for the applicant's arrest and detention in the police station and on disproving his allegations of forgery of the records. The Court would stress once again the odd nature of the prosecution authorities' actions when in the first days of the investigation they commissioned an expert examination of the signatures on the arrest report but omitted to request a medical examination of the applicant (see paragraph 36 above). An interview with the head of the trauma unit is another example of the authorities' unorthodox investigative technique (see paragraph 41 above). The Court finds it striking that the deputy prosecutor devoted that interview to verifying the allegations of the applicant's drunkenness rather than to soliciting a medical opinion as to the nature and cause of the applicant's injury.

92. The Court therefore finds that the investigating authorities' failure to look for corroborating evidence and their deferential attitude to the police officers must be considered to be a particularly serious shortcoming in the investigation (see {Aydin} v. Turkey, 25 September 1997, § 106, Reports 1997-VI).

93. Finally, as regards the judicial proceedings pertaining to the applicant's appeals against the prosecution decisions, the Court finds it striking that neither the district nor the regional courts manifested any interest in identifying and personally questioning witnesses of the applicant's alleged beating or hearing evidence from the officers involved in the incidents (see *Zelilof v. Greece*, No. 17060/03, § 62, 24 May 2007, and *Osman v. Bulgaria*, No. 43233/98, § 75, 16 February 2006). For the Court, this unexplained shortcoming in the proceedings deprived the applicant of an opportunity to challenge effectively the alleged perpetrators' version of the events (see *Kmetty v. Hungary*, No. 57967/00, § 42, 16 December 2003). Furthermore, the Court is mindful of the fact that while both the district and regional courts supported the deputy prosecutor's decision of 20 September 2002 to close the investigation, finding it to be well-founded and correct, the very same decision was quashed by a higher-ranking prosecutor two months later on the ground that the investigation was incomplete and the decision had been premature (see paragraphs 42 and 43 above).

94. Having regard to the above failings of the Russian authorities, the Court considers that the investigation carried out into the applicant's allegations of ill-treatment was not thorough, adequate or effective. There has accordingly been a violation of Article 3 of the Convention under its procedural limb.

III. Other alleged violations of the Convention

95. The Court has examined the other complaints submitted by the applicant. However, having regard to all the material in its possession, and in so far as these complaints fall within the Court's competence, it finds that they do not disclose any appearance of a violation of the rights and freedoms set out in the Convention or its Protocols. It follows that this part of the application must be rejected as being manifestly ill-founded, pursuant to Article 35 §§ 3 and 4 of the Convention.

IV. Application of Article 41 of the Convention

96. Article 41 of the Convention provides:

"If the Court finds that there has been a violation of the Convention or the Protocols thereto, and if

the internal law of the High Contracting Party concerned allows only partial reparation to be made, the Court shall, if necessary, afford just satisfaction to the injured party."

97. On 9 September 2005 the Court invited the applicant to submit his claims for just satisfaction. The applicant did not submit any such claims within the required time-limits.

98. In such circumstances the Court would usually make no award. In the present case, however, the Court finds it possible to award the applicant 9,000 euros (EUR) in respect of non-pecuniary damage (compare *Mayzit v. Russia*, No. 63378/00, §§ 87 - 88, 20 January 2005; *Igor Ivanov v. Russia*, No. 34000/02, §§ 48 - 50, 7 June 2007; *Chember v. Russia*, No. 7188/03, § 77, 3 July 2008; *Nadrosov v. Russia*, No. 9297/02, § 55, 31 July 2008; *Rusu v. Austria*, No. 34082/02, § 62, 2 October 2008; and, most recently, *Kats and Others v. Ukraine*, No. 29971/04, § 149, 18 December 2008), plus any tax that may be chargeable.

99. The Court considers it appropriate that the default interest should be based on the marginal lending rate of the European Central Bank, to which should be added three percentage points.

FOR THESE REASONS, THE COURT

1. Declares unanimously the complaint concerning the absence of an effective remedy for the applicant's complaint about his ill-treatment on 24 April 2000, the alleged ill-treatment of the applicant on 19 December 2001 and the ineffectiveness of the investigation into this alleged incident of ill-treatment admissible and the remainder of the application inadmissible;

2. Holds by five votes to two that there has been no violation of Article 13 of the Convention;

3. Holds unanimously that there has been no violation of Article 3 of the Convention under its substantive limb;

4. Holds unanimously that there has been a violation of Article 3 of the Convention under its procedural limb;

5. Holds by five votes to two

(a) that the respondent State is to pay the applicant, within three months from the date on which the judgment becomes final in accordance with Article 44 § 2 of the Convention, EUR 9,000 (nine thousand euros) in respect of non-pecuniary damage, to be converted into Russian roubles at the rate applicable at the date of the settlement, plus any tax that may be chargeable;

(b) that from the expiry of the above-mentioned three months until settlement simple interest shall be payable on the above amount at a rate equal to the marginal lending rate of the European Central Bank during the default period plus three percentage points.

Done in English, and notified in writing on 18 March 2010, pursuant to Rule 77 §§ 2 and 3 of the Rules of Court.

Christos ROZAKIS
President

{Andre} WAMPACH
Deputy Registrar

In accordance with Article 45 § 2 of the Convention and Rule 74 § 2 of the Rules of Court, the joint partly dissenting opinion of Judges Spielmann and Malinverni is annexed to this judgment.

C.L.R.

A.M.W.

**JOINT PARTLY DISSENTING OPINION OF JUDGES
SPIELMANN AND MALINVERNI**

1. We voted against points 2 and 5 of the operative part because in our view Article 13 of the Convention has been violated.

2. We would like to observe from the outset that it is for the States, through their national courts in the first place, to address violations of Convention rights at the domestic level according to the criteria adopted by the Court. This principle - the principle of subsidiarity - was recently reaffirmed at the Interlaken conference. Indeed, the Interlaken Declaration of 19 February 2010 reiterated "the obligation of the States Parties to ensure that the rights and freedoms set forth in the Convention are fully secured at the national level", called for "a strengthening of the principle of subsidiarity" and stressed that "this principle implies a shared responsibility between the States Parties and the Court" (point 2 of the preamble to the Declaration). Moreover, it recalled that "it is first and foremost the responsibility of the States Parties to guarantee the application and implementation of the Convention", and consequently called upon the States Parties "to commit themselves to [inter alia] ensuring... that any person with an arguable claim that their rights and freedoms as set forth in the Convention have been violated has available to them an effective remedy before a national authority providing adequate redress where appropriate" (point B. 4. (d) of the Declaration).

3. In our view, the Court should develop its interpretation of Article 13 by requiring that an effective remedy include an examination based on criteria set out by the Court and on its case-law, thereby "forcing" member States to ensure that the Convention is effectively incorporated in the domestic court's application of the law.

4. Article 13 of the Convention guarantees the availability at the national level of a remedy to enforce the substance of the Convention rights and freedoms in whatever form they might happen to be secured in the domestic legal order. The effect of Article 13 is thus to require the provision of a domestic remedy to deal with the substance of the relevant Convention complaint and to grant appropriate relief, although Contracting States are afforded some discretion as to the manner in which they conform to their Convention obligations under this provision. The Court has already noted that the scope of the obligation under Article 13 varies depending on the nature of the applicant's complaint under the Convention. Nevertheless, the remedy required by Article 13 must be "effective" in practice as well as in law, in particular in the sense that its exercise must not be unjustifiably hindered by the acts or omissions of the authorities of the respondent State (see *Aksoy v. Turkey*, 18 December 1996, § 95, Reports of Judgments and Decisions 1996-VI, and *{Mentes} and Others v. Turkey*, 28 November 1997, § 89, Reports 1997-VIII). We further consider that, where an arguable breach of one or more of the rights under the Convention is in issue, there should be available to the victim a mechanism for establishing any liability of State officials or bodies for that breach (see *T.P. and K.M. v. the United Kingdom [GC]*, No. 28945/95, § 107, ECHR 2001-V (extracts)). Furthermore, in the case of a breach of Articles 2 and 3 of the Convention, compensation for the pecuniary and non-pecuniary damage flowing from the breach should in principle be available as part of the range of redress (see *Z and Others v. the United Kingdom [GC]*, No. 29392/95, § 109, ECHR 2001-V).

5. Turning to the circumstances of the present case we observe, and it was not in dispute between the parties, that the applicant sustained serious injuries resulting from police officer N.'s conduct. The effective investigation into the applicant's ill-treatment complaints alone could not redress the physical

and psychological damage flowing from the direct and deliberate invasion of the applicant's bodily integrity and therefore represented only one part of the measures necessary to provide redress for the ill-treatment by the State agent (see *Vladimir Romanov v. Russia*, No. 41461/02, § 79, 24 July 2008). The applicant submitted that he had attempted to obtain redress for the ill-treatment suffered by bringing two tort actions. However, he argued that the remedy was not sufficiently effective to comply with Article 13 of the Convention, as it did not provide adequate redress. It is apparent from the above that the Court must examine whether the judicial avenue for obtaining compensation for the damage sustained by the applicant represented an effective, adequate and accessible remedy capable of satisfying the requirements of Article 13.

6. The applicant introduced an action in the course of the criminal proceedings against police officer N., seeking compensation for damage resulting from the latter's unlawful conduct. The domestic courts partly allowed the action, awarding the applicant RUB 10,000 (approximately EUR 340) in compensation for non-pecuniary damage, and instructed him to bring a separate action for compensation in respect of the injuries suffered to his person (see paragraph 19 of the judgment). The award was never enforced as Mr N. did not have the requisite funds. Subsequently, the applicant brought an action against a number of State agencies, including the Yemelyanovskiy district police department which had employed officer N., arguing that the amount of compensation awarded was inadequate and had not in fact been paid to him. He further argued that the courts should hold the State accountable and punish it for the outrageous conduct of its agent, in order to act as a deterrent to future offences, and should thus award him sufficient compensation for the injuries suffered. On 3 April 2003 the Sverdlovskiy District Court dismissed the action, holding that the situation in which the applicant had found himself was not covered by the legal provisions abrogating the State's immunity from tort liability and establishing the conditions for suits and claims against the State for damage caused by unlawful acts or omissions of its agencies and officials. In addition, the District Court found that the applicant had already made use of his right to obtain redress by successfully introducing the tort action against the direct tortfeasor, Mr N. (see paragraph 24 of the judgment). On 16 July 2003 the Krasnodar Regional Court, having examined the applicant's appeal, confirmed the overall correctness of the District Court's decision to dismiss the action. However, the Regional Court amended the District Court's reasoning by setting aside its conclusion as to the inapplicability of the legal provisions concerning the State's liability, while endorsing the finding that the applicant had already benefited from the right to claim reparation of the damage from the perpetrator of the injury (see paragraph 25 of the judgment).

7. Russian law undoubtedly afforded the applicant the possibility of bringing judicial proceedings to claim compensation for the damage suffered as a result of his ill-treatment. The applicant availed himself of that possibility by lodging an action against the direct tortfeasor (see paragraph 19 of the judgment) and subsequently by bringing a claim against various State agencies seeking compensation for the damage he had sustained on account of the ill-treatment (see paragraph 23 of the judgment). It follows that in the present case it is absolutely necessary to verify whether the way in which the domestic law was interpreted and applied by the domestic courts in the process of implementation of the compensatory remedy produced consequences that are consistent with the Convention principles, as interpreted in the light of the Court's case-law (see *Scordino v. Italy* (No. 1) [GC], No. 36813/97, §§ 187 - 191, ECHR 2006-V).

8. We would like to reiterate the applicant's argument that he lodged the second action because he considered that the amount of compensation to be paid by Mr N. was insufficient, unreasonable and, in any event, unenforceable (see paragraph 22 of the judgment). In this connection we note that the "effectiveness" of a "remedy" within the meaning of Article 13 does not depend on the certainty of a favourable outcome for the applicant (see *Conka v. Belgium*, No. 51564/99, § 75, ECHR 2002-I). At the same time, the Convention must be interpreted in such a way as to guarantee rights which are practical and effective as opposed to theoretical and illusory (see, among other authorities, *Artico v. Italy*, 13 May 1980, § 33, Series A No. 37; *Soering v. the United Kingdom*, 7 July 1989, § 87, Series A No. 161; and *Cruz Varas and Others v. Sweden*, 20 March 1991, § 99, Series A No. 201). That also applies to the right enshrined in Article 13 of the Convention. The Court has already held on a number of occasions that the notion of an effective remedy under Article 13 requires that the remedy should be capable of resulting in

an award of fair and reasonable damages proportionate to the loss suffered (see *Vdovina v. Russia*, No. 13458/07, § 29, 18 June 2009; *Wasserman v. Russia* (No. 2), No. 21071/05, § 49, 10 April 2008; and, *mutatis mutandis*, *Cocchiarella v. Italy* [GC], No. 64886/01, § 93, ECHR 2006-V, with further references).

9. The question whether the applicant received reparation for the damage caused is therefore one of the issues to be considered. We are mindful of the fact that the task of estimating damages to be awarded is a difficult one. It is especially difficult in a case where personal suffering, whether physical or mental, is the subject of the claim. There is no standard by which pain and suffering, physical discomfort and mental distress and anguish can be measured in terms of money. However, we cannot overlook the fact that the amount of RUB 10,000 awarded in the circumstances of the case appears to be disproportionately low, particularly if compared to what the Court generally awards in similar Russian cases (see, for example, *Barabanshchikov v. Russia*, No. 36220/02, § 70, 8 January 2009, and *Nadrosov v. Russia*, No. 9297/02, § 54, 31 July 2008). <*>

<*> In the majority of Russian cases (see cases cited in the paragraph) where a violation of Article 3 on account of inhuman treatment was found the Court's award was approximately EUR 10,000 - 15,000.

10. In this connection we reiterate that, while emphasising the importance of a reasonable amount of just satisfaction being offered by the domestic system for the remedy in question to be considered effective under the Convention, the Court has held on a number of occasions that a wider margin of appreciation is left to the domestic courts in assessing the amount of compensation to be paid in a manner consistent with its own legal system and traditions and consonant with the standard of living in the country concerned, even if that results in awards of amounts that are lower than those fixed by the Court in similar cases (see *Cocchiarella*, cited above, § 80). The Court has also accepted that, in some cases, the alleged violation of the Convention right may result in minimal non-pecuniary damage or no non-pecuniary damage at all. However, in such cases the domestic courts will have to justify their decision by giving sufficient reasons (see *Scordino*, cited above, §§ 203 - 204). One of the purposes of a reasoned decision is to demonstrate to the parties that their claims have been given due consideration (see, *mutatis mutandis*, *Suominen v. Finland*, No. 37801/97, § 37, 1 July 2003). The importance of Article 13 for preserving the subsidiary nature of the Convention system must be stressed in that individuals' complaints must be adequately addressed in the first place within the national legal system (see {*Conka*}, cited above, § 84, and {*Kudla*} v. Poland [GC], No. 30210/96, § 155, ECHR 2000-XI).

11. Therefore, the main issue to be considered by the Court is the domestic courts' justification for the award they made in the applicant's case. In this regard we observe that the district and regional courts did not rely on any reasons justifying the amount of compensation awarded to the applicant. It is not apparent from the domestic judgments what issues the courts took into account, what domestic standards on compensation they used or what method of calculation they employed for determining the amount of compensation. The Government did not provide the Court with any evidence demonstrating the nature of the test applied by the domestic courts in assessing the applicant's claims and showing that it was based on Convention principles and coincided with the Court's own approach. There was also no explanation for the domestic courts' refusal to examine the merits of the applicant's claim for compensation for health damage resulting from his ill-treatment. We are mindful of the fact that the lack of reasoning by the domestic courts may demonstrate the existence of a substantial degree of uncertainty and ambiguity as to the exact status, scope and content of the right to obtain redress for a violation of Article 3 guarantees and the manner in which this right operated in practice. In these circumstances we harbour doubts as to whether the applicant had an effective opportunity to make before the domestic courts his Convention points regarding his rights not to be subjected to ill-treatment and to obtain full reparation for it.

12. However, we are also prepared to draw even more far-reaching inferences from the domestic courts' reluctance to provide grounds for their decision. Given the complete lack of reasoning behind the disproportionately low amount of compensation awarded to the applicant by the domestic courts, we

strongly believe that the courts did not give due consideration to the applicant's claims and failed to act on the principle that the wrong should be adequately and effectively remedied. We are not convinced that the domestic courts in the present case, acting out of a genuine desire to be just and eminently reasonable, attempted to assess the effect which the instance of ill-treatment had had on the applicant's well-being (see, *mutatis mutandis*, *Dougoz v. Greece*, No. 40907/98, § 46, ECHR 2001-II) and to determine the level of physical suffering, emotional distress, anxiety or other harmful effects sustained by the applicant (see *Nardone v. Italy* (dec.), No. 34368/02, 25 November 2004). Having regard to this finding and taking into account the fact that Article 13 gives direct expression to the States' obligation to protect human rights first and foremost within their own legal system, establishing an additional guarantee for an individual in order to ensure that he or she effectively enjoys those rights (see *Al-Nashif v. Bulgaria*, No. 50963/99, § 132, 20 June 2002), we are therefore bound to conclude that the Russian authorities did not comply with their obligation to secure the applicant's right guaranteed by that Convention provision.

13. We would also like to address the argument pertaining to the unenforceability of the compensation award. In particular, the applicant submitted that Russian law did not allow him to foresee what the legal consequences might be should he bring an action against Mr N., a private tortfeasor, and be unable to obtain enforcement of the award. While accepting that he had had a choice of legal avenues to pursue in his attempt to obtain compensation for the ill-treatment suffered, the applicant stressed that there was no clear indication in Russian law as to what remedy could have provided him with a more tangible result or, if only an aggregate of remedies could have been effective in his case, what would have been the correct order in which to pursue them. In this respect the applicant's argument goes to the heart of the Convention principle that even if a single remedy does not by itself entirely satisfy the requirements of Article 13, the aggregate of remedies provided for under domestic law may do so (see {Kudla}, cited above, § 152, and T.P. and K.M., cited above, § 107). It must therefore be thoroughly examined.

14. We observe that, quite apart from the criminal proceedings to which the applicant was a civil party, another avenue was available to him by which to obtain compensation for the damage resulting from his ill treatment. The Russian Civil Code provided him with the right to seek compensation for damage from the State, by either bringing a tort action in parallel with the criminal investigation against Mr N., although not within the criminal proceedings themselves, or by bringing such an action after the criminal proceedings were completed (see paragraph 52 of the judgment).

15. As regards the first avenue, the Court has already had an opportunity to rule on the effectiveness of such a remedy in Russia, holding that in the absence of any finding of guilt by the domestic courts in criminal proceedings, a claim for damages, as well as any other remedy available to an applicant, has limited chances of success and can be considered as theoretical and illusory and not capable of affording redress to the applicant (see *Chember v. Russia*, No. 7188/03, § 71, 3 July 2008). The Government did not provide the Court with any evidence to show that in the circumstances of the present case an action against the State lodged prior to Mr N.'s conviction could have been considered effective.

16. As to the second avenue we reiterate that, as is clear from the domestic courts' interpretation of the provisions of the Russian Civil Code on State liability, by obtaining a judicial award against police officer N. the applicant lost the right to claim compensation from the State (see paragraph 25 of the judgment). Having found that this remedy was no longer open to the applicant after he had obtained the judgment award against Mr N., we do not need to proceed with the analysis any further. However, we do not lose sight of the Government's implied argument that the applicant was responsible for the legal choices he made, in so far as he could have introduced an action jointly against Mr N. and the State after the latter's conviction instead of opting to become a civil party to the criminal case.

17. In this respect we would like to emphasise two points. Firstly, we are not convinced that the provisions of the Russian Civil Code, in particular Articles 150, 151, 1069 and 1070, which the domestic courts cited in dismissing the applicant's action (see paragraph 24 of the judgment above), afforded the applicant sufficient safeguards to prevent a misunderstanding as to the procedures for making use of the available remedies and the restrictions stemming from the simultaneous use of them. In that connection we consider that neither the wording of those provisions nor their legislative history could have given the

applicant any idea what legal inferences the domestic courts would draw from his legal choice to introduce an action against Mr N. first. In other words, they gave him no reason to think that his action against Mr N. might result in his being deprived of standing to bring proceedings against the State in order to obtain a higher sum in compensation than he had been already awarded against Mr N. We note that neither the Government nor the domestic courts relied on any legal provision making clear the type of liability (subsidiary, joint and several, and so on) which the State bore for the actions of its officials in circumstances similar to those under examination. In particular, the courts did not substantiate their position that the applicant did not have the right in law to bring a civil claim against the State subject to the condition that in the new proceedings the compensation already awarded to him would be taken into account in order to determine whether he had received full and adequate redress. Therefore, we consider that the applicant could reasonably believe that it was possible to pursue an action in the domestic courts to claim compensation from the State even after he had been awarded damages to be paid by Mr N.

18. Secondly, we do not lose sight of the fact that the criminal proceedings against Mr N. were pending for more than two years and that it took the domestic courts almost another year to consider his action against the State. In view of the applicant's situation at that time, he cannot be criticised for pursuing the avenue which met his most urgent needs, that is, a civil claim within the criminal proceedings against Mr N., since he was entitled to think that if he were to introduce an action against Mr N. and be dissatisfied with the outcome he would not be deprived of his right to bring proceedings against the State.

19. To sum up, it is our submission that the combination of the factors examined above demonstrates that the applicant had neither a single remedy nor an aggregate of remedies satisfying the requirements of Article 13. Consequently, there has been a violation of that Convention provision.

20. Finally, we submit that the damages awarded under Article 41 of the Convention for non-pecuniary damage are far too low. Because we believe that there has been a violation of Article 13 of the Convention, we logically voted against point 5 of the operative part of the judgment.